

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

ПАРТИЯ
НА ДВОИХ

Андрей Северский

Партия на двоих

«Автор»

2026

Северский А.

Партия на двоих / А. Северский — «Автор», 2026

Мира Вей и Терен Ло когда-то создавали лучшие живые игры Кассара — пока авария не разрушила их мастерскую и доверие. Пять лет спустя на Игре Прилива появляется невозможный ход: зачарованная фигура исполняет отменённый приказ, а зрители начинают забывать, что могли выбрать иначе. Чтобы остановить поле, способное переписать память целого города, бывшим партнёрам придётся снова работать вместе. Но каждый хранит опасный запасной план, а глава Гильдии Ианта Рей предлагает Кассару порядок ценой чужих альтернатив. В игре, где искреннее согласие ещё не означает справедливости, Мира и Терен должны передать друг другу не символический ключ, а реальное право изменить общий замысел. «Партия на двоих» — самостоятельное романтическое фэнтези об интеллектуальном соперничестве, ответственности за прошлое и доверии, которое не отменяет границ.

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Ход, которого не было	6
Глава 2. Второй архитектор	10
Глава 3. Улица становится доской	17
Глава 4. Чужая победа	26
Глава 5. Два ключа	33
Глава 6. Архив проигранных решений	35
Глава 7. Имя под чужим ходом	39
Глава 8. Рынок запасных правил	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Северский

Партия на двоих

От автора

Любая игра начинается с правил. Хорошая — ещё и с возможности спросить, кто эти правила придумал, что они от нас требуют и можно ли выйти до того, как победа станет важнее человека.

«Партия на двоих» — история о людях, привыкших просчитывать чужие решения и потому особенно плохо умеющих доверять собственные. Мира и Терен создают игры, которые меняют улицы, собирают толпы и превращают воображение в настоящее ремесло. Но общий замысел даёт партнёру не только силу помочь. Он даёт возможность присвоить ход, скрыть цену и решить за двоих.

Эту книгу можно читать как романтическое фэнтези, детектив о невозможной партии и спор о том, кому принадлежит авторство общего мира. Здесь не нужно знать шахматы или разбираться в игровых системах: важны не названия фигур, а причины, по которым человек делает ход, отказывается от него или впервые оставляет другому право изменить план.

Пусть каждая партия в этой истории напоминает: равенство начинается не там, где игрокам выдали одинаковые фигуры, а там, где ни один из них не прячет правила.

Глава 1. Ход, которого не было

За три минуты до победы Мира Вей перестала смотреть на противника.

Это было почти неприлично. В отборочных Игры Прилива две тысячи зрителей окружали площадь Морских Часов шестью ярусами, судьи держали ладони над аварийными печатями, а соперник Мира — мастер Тал Бран — только что открыл западную линию и приготовился провести по ней свою последнюю связку. Любой разумный архитектор правил следил бы за ним.

Мира смотрела на бронзовую девочку у фонтана.

Фигура была высотой ей по пояс, с круглым щитом и пустой ладонью. Ещё утром Мира собственноручно вписала её в реестр поля: в первом круге девочка защищала мост, во втором могла обменять щит на право пройти через затопленный переулок, в третьем становилась неподвижной. Именно неподвижной. Приказ «вернуться к колодцу» Мира вычеркнула из окончательной партитуры два дня назад.

Теперь бронзовая девочка повернула голову.

На площади никто не вскрикнул. Толпа приняла движение за часть замысла, и по каменным скамьям прокатился одобрителный гул. Люди любили, когда фигуры замечали их. Девочка опустила щит, шагнула с белой клетки на синюю и двинулась к северной арке.

К колодцу.

Мира подняла два пальца.

— Остановка поля.

Её голос утонул в шуме.

Тал Бран уже выбросил вперёд красную ленту приказа. Его башни, составленные из соляного стекла, наклонились над западной линией. Ещё мгновение — и они замкнули бы выход, оставив Мира единственную безопасную развилку. Ту самую, которую она подготовила как ловушку для него.

— Остановка поля! — повторила Мира и ударила ладонью по своей печати.

Бирюзовый свет погас по всей площади разом. Вода, бежавшая по желобам между игровыми клетками, застыла отвесными гребнями. Башни Тала замерли в наклоне. Над шестью ярусами скамей вспыхнули серые знаки запрета.

А бронзовая девочка сделала ещё один шаг.

Только один. Каблук коснулся синей клетки уже после остановки и оставил на ней тёмный мокрый след.

Мира почувствовала знакомый холод под рёбрами. Не страх — страх оставлял место для надежды. Это было узнавание.

Пять лет назад другая фигура тоже не подчинилась аварийной печати.

Она вышла из воспоминания прежде, чем оно успело обрести лица, и перепрыгнула через низкое ограждение. Судейский распорядитель что-то требовал у неё за спиной. Тал Бран кричал, что победный ход объявлен до остановки. Зрители свистели: половина — Мира, половина — против неё, все уверенные, что спор и есть представление.

На поле пахло морской солью, нагретой бронзой и чужими развилками. Перед входом каждый зритель отдавал игре память о решении, которое мог принять иначе. Поле не показывало саму память. Оно извлекало из неё напряжение между выбранным и отвергнутым, превращало это напряжение в движение воды, тяжесть фигур, сопротивление дверей. После партии развилка возвращалась владельцу целой.

Так гласило первое правило.

Мира опустила на колено возле следа. Синяя эмаль была тёплой. Она провела над ней раскрытой ладонью, не касаясь, и почувствовала слабый отклик — не свежий приказ, а старую связку, спрятанную под верхним слоем партитуры.

— Не трогайте фигуру, — сказала она подбежавшим судьям.

— Вы остановили официальный отбор, — отрезал распорядитель Эльс. Его белая мантия ещё не успела погасить судейское сияние. — Причина должна быть видимой и немедленной.

— Она перед вами.

— Передо мной декоративный шаг.

— После общей остановки.

Эльс посмотрел на бронзовую девочку. Та застыла в трёх клетках от фонтана, повернув пустую ладонь к северу. На её щиколотке мерцала тонкая строка команды. Слишком тонкая для зрителя, достаточно ясная для архитектора.

Тал спрыгнул на поле с противоположной стороны. Красная лента всё ещё обвивала его запястье.

— Если это попытка отменить мой ход, придумай причину получше, Вей.

— Твой ход был допустим.

Он осёкся, явно приготовившись спорить с другим ответом.

— Тогда верни поле.

— Не могу.

— Не хочешь. Через четыре удара башни закрывали запад, и твоя победная дорожка становилась моей.

Мира встала. Тал был старше её лет на десять и вдвое громче, а сегодня ещё и прав: его решение разрушало её расчёт. Если партию признают завершённой в момент остановки, победа достанется ему. Если аннулируют — Гильдия вернёт взносы, но не вернёт Мира приглашение в финальный проект. Игра Прилива создавалась раз в девять лет. Победитель отбора получал право возглавить её архитекторов.

Мира готовилась к этому праву пять лет.

— Посмотри на щиколотку фигуры, — сказала она.

Тал раздражённо наклонился, затем прищурился.

— Возврат к колодцу. Третий круг.

— Такой команды нет в опубликованной партитуре.

— Значит, ты плохо вычистила черновик.

— Я вычистила его полностью.

— Каждый архитектор так говорит, пока поле не достанет из стены его ошибку.

— Черновик не подключался к зрительским развилкам.

Это заставило замолчать уже не только Тала. Эльс поднял руку, приказывая помощникам отвести зрителей от края поля. На ярусах усилился гул. Серые знаки запрета означали остановку действия, но не глушили слух и не запрещали строить догадки.

Мира снова посмотрела на строку команды. «Вернуться к колодцу после падения западной башни». В ранней версии это создавало красивую встречную угрозу, но позволяло сильному игроку запереть слабого в бесконечном повторе. Она отказалась от приказа именно поэтому. Не просто стёрла запись — объявила развилку отменённой перед тремя свидетелями, дала ей погаснуть и лишь затем переплела поле.

Отменённое решение могло храниться в её собственной памяти. Поле не имело права его читать.

— Закройте площадь, — сказала Мира.

Эльс усмехнулся без веселья.

— Вы не распоряжаетесь городской стражей.

— Тогда вызовите того, кто распоряжается. Фигура получила приказ из развилки архитектора, не отданной полю.

Тал выпрямился.

— Докажи.

— Сейчас.

Она сняла с пояса костяной ключ партитуры. По правилам вскрывать связки во время партии запрещалось: архитектор мог увидеть распределение чужих отказов и подстроить под них следующий приказ. Но партия уже не продолжалась. Мира вставила ключ в щель под лопаткой бронзовой девочки.

Эльс перехватил её запястье.

— Если вскрыете фигуру без решения судей, получите годовой запрет.

— Если я права, у вас на площади работает неучтённая команда.

— А если ошибаетесь?

Мира посмотрела на замершие башни Тала. Ещё три минуты назад победа казалась не вероятной, а принадлежащей ей. Она знала, как Тал станет защищать запад, где пожертвует высотой ради скорости, в какой момент поверит, что разгадал её запасной ход. Всё случилось почти точно. Только последняя его связка оказалась лучше, чем она рассчитывала.

Если бы Мира промолчала, девочка дошла бы до колодца и обрушила северную арку на красную линию. Отменённый приказ спас бы её партию.

Вот почему никто не поверит, что она остановила поле ради безопасности.

— Тогда я потеряю больше, чем эту игру, — сказала она.

Эльс не разжал пальцев.

С противоположного края площади ударил колокол Гильдии. Один раз — вызов старшего судьи. Второй — изъятие поля из текущего зачёта. Третий удар пришёл с задержкой, и толпа на миг затихла, словно огромный зверь прислушался к собственному сердцу.

— Решение Совета, — объявил голос из судейских раковин. — Отборочная партия номер семь прекращена. Результат фиксируется на момент аварийной остановки. Победа присуждается мастеру Талу Брану по преимуществу поля.

По трибунам прокатились крики. Красная половина взорвалась торжеством. Тал не улыбнулся. Он смотрел на Миру, и в его взгляде впервые не было злости — только осторожное любопытство человека, который увидел, как соперник добровольно сбросил выигрышную фигуру с доски.

— Годового запрета пока не будет, — продолжил голос. — Поле опечатывается. Архитектор Вей обязана передать ключ.

Эльс протянул ладонь.

Мира вынула ключ из фигуры и отдала ему. В тот же миг бронзовая девочка дрогнула. Её пустая рука медленно сжалась, будто в ней лежала невидимая нить.

Вокруг запястья Миры затянулось ледяное кольцо.

Перед внутренним взглядом вспыхнула комната её мастерской: ночной стол, разобранная фигура, лист с командой возврата. Она увидела собственную руку, занесённую над строкой. Помнила, что после долгого расчёта зачеркнула приказ.

Но больше не могла представить, какой выбор сделала вместо него.

Мира знала факт: команда была отменена. Знала причину: бесконечный повтор. Знала последствия. А сам иной ход исчез, оставив гладкое место, на котором мысль соскальзывала, как подошва на мокром камне.

Она схватилась за ограждение.

— Что с вами? — спросил Эльс.

— Верните ключ.

— Исключено.

— Фигура только что взяла ещё одну развилку.

Тал оглянулся на девочку.

— Она не двигалась.

— Ей уже не нужно двигаться.

Мира закрыла глаза и заставила себя восстановить ночной расчёт по частям. Северная арка. Три зрительских потока. Падение западной башни. Возврат к колодцу она отвергла. После этого придумала замену — простую, честную, не запирающую слабого игрока. Какую?

Пустота.

Не забытое слово, которое вертится рядом. Не усталость. Там не было даже ощущения, что ответ существует.

Именно так начиналась авария пять лет назад.

Тогда зрители выходили с поля и помнили, за кого голосовали, но не могли вообразить, что могли проголосовать иначе. Помнили супругов, но не понимали, почему когда-то собирались уйти. Помнили профессию, но утрачивали ту жизнь, которую не выбрали. Совет назвал повреждение временным. Через месяц запретил Мира знакомиться с отчётами.

Терен взял вину на себя, а она позволила ему.

— Отведите людей от всех активных клеток, — сказала Мира. Голос прозвучал тише, зато перестал дрожать. — Не возвращайте им развилки через общий контур. Каждому — отдельная печать и проверка альтернативы до выхода.

— Вы больше не руководите полем, — напомнил Эльс.

— Тогда руководите вы. Спросите у любого зрителя не что он решил, а что ещё мог решить. Если человек не может назвать хотя бы один вариант, не выпускайте его одного.

Эльс побледнел. Он был распорядителем достаточно давно, чтобы узнать формулировку из закрытого аварийного протокола.

— Откуда вы...

— Я его написала.

На верхнем ярусе кто-то засмеялся слишком громко. Женщина у выхода спорила со стражником, уверяя, что пришла на площадь без спутника. Рядом с ней мужчина держал два плаща и повторял её имя.

Эльс отпустил Миру и резко повернулся к помощникам.

— Закрыть выходы. Разделить контуры возврата. Вызвать целителей памяти.

Толпа встретила закрытие ворот рёвом.

Тал выругался сквозь зубы и побежал к своему краю поля, где красные зрители уже теснили ограждение. Мира осталась возле бронзовой девочки. Без ключа она не могла прочесть внутреннюю связку, но теперь видела другое: тёмный след на синей эмали не высыхал. Он вытягивался тонкой линией к северу, под каменные плиты площади.

Команда пришла не из фигуры.

Фигура лишь исполнила её.

Над площадью снова заговорили судейские раковины, но слова потонули в шуме. Мира положила ладонь на тёплую клетку. Под ней, глубоко в городской кладке, что-то ответило коротким толчком — будто Кассар сделал ход.

И ждал следующего.

Глава 2. Второй архитектор

К полудню Совет успел трижды поменять название случившегося.

Сначала в протоколах значилась «остановка по требованию архитектора». Затем — «нарушение возврата зрительских развилок». Когда у семнадцатого человека обнаружилось гладкое пустое место там, где ещё утром существовал иной выбор, писцы заменили формулировку на «локальное повреждение памяти» и запечатали все копии.

Ни одно название не объясняло, почему команда ушла под мостовую.

Мира сидела в малом зале Совета, положив ладони на колени, чтобы никто не заметил, как она проверяет собственную память. Комната была устроена для переговоров, в которых соглашение считалось заранее достигнутым: круглый стол без углов, семь одинаковых кресел, окна на спокойную гавань. Даже дверь не имела ручки изнутри. Её открывал служитель, когда Совет решал, что разговор окончен.

За стеной целители по одному отпускали зрителей с площади. Шестнадцать восстановили утраченные развилки после раздельного возврата. Семнадцатый — торговец парусиной по имени Оррис — помнил, что когда-то собирался продать лавку и уйти на север, но не мог назвать ни одной причины, по которой человек вообще покидает Кассар.

У Миры не вернулся заменяющий ход.

Она могла работать без него. Это раздражало сильнее самой потери.

На столе лежала единственная вещь с площади: медная пластинка аварийной печати. Ключ партитуры, фигуры и судейские ленты Совет забрал в закрытое хранилище. Пластинку оставили Мире как будто случайно, хотя в Совете случайности обычно проходили три согласования.

Мира повернула её ребром. На обороте проступала схема площади: белые и синие клетки, фонтан, северная арка. Тёмная линия скрытой команды обрывалась у границы игрового настила.

За границей начинался город.

— Вы стираете след пальцем, — сказал Эльс.

Распорядитель сидел напротив и выглядел так, словно лично отвечал за погоду. Белую мантию он сменил на серую служебную куртку, но красная полоса от судейской раковины всё ещё пересекала шею.

— След не на пластинке, — ответила Мира. — Это отражение.

— Тем более.

Она убрала руку.

— Вы вызвали меня ради сохранности отражения?

— Я вас не вызывал.

— Тогда ради возможности молчать в более удобном кресле?

Эльс посмотрел на закрытую дверь.

— Совет собирает второго архитектора.

Слово «второго» прозвучало слишком тщательно. Не специалиста по кладке. Не мастера городских контуров. Кого-то, чьё присутствие должно было изменить не только расследование, но и положение Миры.

Она назвала единственное имя:

— Нет.

— Я имени не произносил.

— Поэтому я отвечаю на замысел.

Дверь открылась прежде, чем Эльс успел придумать осторожную фразу.

Терен Ло вошёл без плаща, с мокрыми от мороси волосами и плоским дорожным футляром под мышкой. Пять лет изменили его ровно настолько, чтобы Мира не могла обвинить память в неточности. Он стал шире в плечах, на левой щеке появилась тонкая белая черта, а светлые волосы теперь были коротко срезаны у висков. Но двигался он по-прежнему так, будто заранее видел не предметы, а свободное место между ними.

Войдя, Терен сначала отметил окна, дверь, пластинку на столе. Только потом посмотрел на Миру.

— Ты цела?

Ни приветствия. Ни удивления.

— Совет не сообщил тебе результат осмотра?

— Совет сообщил, что повреждение локальное.

— Значит, по мнению Совета, я локально цела.

Его взгляд задержался на её правой руке. На запястье ещё виднелся бледный след от ледяного кольца.

— Какую развилку взяли?

Эльс резко выпрямился.

— Сведения целителей закрыты.

— Тогда выйдите, — предложил Терен.

— Это зал Совета.

— А вопрос касается памяти архитектора. Либо у вас есть право слышать ответ, и вы назовёте основание, либо нет.

Мира ненавидела, когда он делал это: ставил человеку две двери и оставлял обе открытыми, хотя заранее знал, какую тот выберет. Пять лет назад такая ясность казалась ей красивой. Сейчас — присвоенной близостью.

— Я не нуждаюсь в защитнике, — сказала она.

— Я задал технический вопрос.

— Мне?

— Единственному здесь архитектору, который касался поля после сбоя.

Эльс кашлянул.

— Мастер Ло также архитектор.

— Мастер Ло последние четыре года строит волноломы для городов, где игры запрещены, — сказала Мира.

— Три года и восемь месяцев, — поправил Терен. — Игры там не запрещены. Им просто не разрешают касаться несущей кладки.

— Какая предусмотрительность.

— Она появилась после Кассара.

Вот и первая кровь. Не обвинение, даже не намёк — обычная дата, положенная на стол между ними. Мира почувствовала, как внутри поднимается старый, отработанный ответ, и не позволила ему выйти. Совет именно этого и ждал: чтобы они начали спорить о прошлом раньше, чем договорятся о настоящем.

— У меня исчезла замена отменённой команде, — сказала она. — Я помню, почему отказалась от возврата к колодцу. Помню, что создала другой ход. Не могу представить, какой.

Терен поставил футляр на стол.

— Ты проверяла через отрицание?

— Да.

— Через последствия?

— Северная арка оставалась целой, слабый игрок получал выход, западная башня не замыкала повтор. самого решения нет.

— Чужая подсказка?

— Целитель предложил три возможных хода. Я поняла, что ни один не мой. Это доказывает сохранность суждения, но не возвращает развилку.

Терен кивнул. Сочувствия на его лице не было, и за это Мира неожиданно оказалась благодарна.

В зал вошли пятеро советников. Последней — Ианта Рей.

Глава Гильдии носила чёрное даже в дни публичных игр, словно заранее присутствовала на похоронах чьей-нибудь карьеры. Серебряная цепь должности лежала на воротнике идеально ровно. Ианта заняла кресло напротив окон, не предложив остальным садиться, и положила перед собой две тонкие папки.

На одной стояло имя Миры. На другой — Терена.

— Семнадцать повреждений, — сказала она. — Шестнадцать устранены. Одно устойчивое у зрителя, одно — у мастера Вей. Площадь Морских Часов изолирована от городских игровых линий.

— Изолирована кем? — спросил Терен.

— Каменщиками Гильдии.

— Тогда она огорожена, а не изолирована.

Один из советников недовольно шевельнулся. Ианта лишь перевела взгляд на дорожный футляр.

— Поэтому вы здесь, мастер Ло.

— Я здесь потому, что ваш посыльный сказал: повторилась Пятая партия.

Мира впервые посмотрела на него без желания немедленно отвернуться. Пятой называли аварийную игру только внутри закрытой комиссии. Для публики она осталась Праздником семи мостов — неудачным, досрочно завершённым и быстро забытым. Посыльный либо нарушил приказ, либо получил другой.

Ианта не стала выяснять.

— Сегодняшнее поле исполнило удалённую команду после аварийной остановки. Сходство достаточно.

— Недостаточно, — сказал Терен. — Пять лет назад команда шла из несущего контура павильона. Сегодня, судя по схеме, она ушла в городскую кладку.

Он даже не коснулся пластинки. Увидел отражение с расстояния трёх шагов.

— Схему ещё не вскрывали, — заметил Эльс.

— Отражённая линия темнее к северному краю. Если бы источник находился в фигуре, насыщенность падала бы наружу.

Мира взяла пластинку и накрыла большим пальцем часть рисунка.

— А теперь?

Терен посмотрел.

— У северной арки она раздваивается. Один луч уходит вниз, второй возвращается к фонтану.

Мира убрала палец. Под ним действительно лежала почти невидимая вилка.

— Можно угадать по геометрии площади.

— Можно. Поэтому я проверю на месте.

— Вы оба проверите, — сказала Ианта.

Она раскрыла папки. На стол легли два одинаковых листа с печатью Совета.

— До заката площадь должна быть признана безопасной либо выведена из контура Игры Прилива. Совет назначает совместный аудит правил и пространства. Мастер Вей получает полный доступ к партитуре, развилкам и журналу команд. Мастер Ло — к кладке, питающим руслам и городским соединениям.

— Нет, — сказала Мира.

Терен произнёс одновременно:

— Этого мало.

Они посмотрели друг на друга.

— Приятно видеть сохранность общей привычки, — сухо заметила Ианта.

Мира придвинула лист, но не взяла перо.

— Вы разделили аудит по той же границе, на которой спрятан сбой. Я увижу приказ без пути. Он увидит путь без приказа. Каждый сможет доказать только вину другого.

— Разумное устройство, если требуется беспристрастность, — сказал советник у окна.

— Это устройство для двух неполных отчётов.

Терен раскрыл футляр. Внутри лежали складная линейка, три камертонных стержня и катушка тонкой синей нити. Ни одного игрового ключа.

— Мне нужен доступ к моментам создания и удаления каждой версии команды, — сказал он. — Без содержания зрительских развилок.

— А мне — схема всех соединений площади с городской кладкой, — добавила Мира. — Включая закрытые линии пятилетней давности.

В комнате стало тихо.

Эльс смотрел на стол. Советники — на Ианту. Терен не изменился в лице, но его правая рука легла на край футляра, будто он удерживал крышку от внезапного порыва ветра.

Мира поняла: закрытые линии существуют.

До этой секунды она лишь проверяла реакцию.

— Площадь перестраивалась дважды, — сказала Ианта. — Старые соединения погашены.

— Тогда их схема безопасна, — ответила Мира.

— Архивные контуры не относятся к сегодняшнему аудиту.

— Сегодняшняя команда повторяет удалённый ход, а след уходит в город. Всё, к чему город когда-либо подключал площадь, относится к аудиту.

Ианта соединила кончики пальцев.

— Мастер Вей, несколько часов назад вы остановили отбор, который проигрывали. Ваше профессиональное положение зависит от того, будет ли найден внешний источник команды. Именно поэтому вам дают второго аудитора.

— Дают? — переспросил Терен.

Мира слышала опасность раньше остальных. Терен никогда не повышал голос в споре. Чем спокойнее он говорил, тем меньше оставлял собеседнику возможности притвориться, будто не понял.

— Формулировка неточна, — сказала Ианта.

— Она точна. Вы предлагаете мне удостоверить невиновность Миры, а ей — мою полезность. Это не совместный аудит. Это два поводка, привязанные друг к другу.

— Вы вправе отказаться.

— И площадь до заката признают безопасной по отчёту ваших каменщиков.

Ианта не ответила.

За окном портовый колокол отбил половину первого. До заката оставалось меньше семи часов.

Мира посмотрела на два листа. Совет выбрал их не вопреки прошлому, а благодаря ему. Если они откажутся, ответственность растворится в комиссиях. Если согласятся на предложенные границы, каждый получит половину истины и вескую причину скрыть её от другого. Пять лет назад именно так и случилось: Мира знала о незавершённом выходе, Терен — о трещине в пространственном контуре. Каждый решил защитить второго собственным способом. Совет получил две удобные половины молчания.

Повторять ту же партию она не собиралась.

Мира перевернула лист чистой стороной и провела посередине вертикальную черту.

— До заката, — сказала она. — Я отвечаю за команды, согласие владельцев развилок и условия остановки. Терен — за физический путь, несущие контуры и отсечение площади от города.

— Это уже записано, — заметил советник.

— Нет. Сейчас будет отличие.

Она поставила слева букву «М», справа — «Т», а поверх черты написала: «Право взаимного доступа».

— Любой вывод считается действительным только после того, как второй увидел исходные следы. Каждый вправе остановить действие другого один раз без объяснения на четверть часа. Продление — только с названной причиной. Ни один из нас не уничтожает, не переносит и не замыкает найденный контур единолично.

Терен взял у Эльса перо.

— И оба получают право открыть участок кладки без отдельного разрешения Гильдии, если отражение команды проходит через него.

Он дописал строку снизу.

— Вы хотите вскрывать городские улицы по собственному усмотрению? — спросил Эльс.

— Одну площадь, — сказал Терен. — По общему усмотрению.

— До заката, — уточнила Мира.

Терен поставил рядом ещё два условия: отдельные копии всех измерений и автоматическая отправка обеим сторонам при каждом изменении журнала. Почерк у него остался прежним — прямым, без соединений, словно каждая буква отвечала только за себя.

Мира прочла условия дважды.

— Нет права закрывать копию ради моей защиты.

На этот раз пауза была заметна всем.

Терен поднял взгляд.

— Согласен.

— И ради защиты твоего имени.

— Согласен.

Она не знала, обещает ли он будущее или переписывает прошлое. До заката разница не имела значения.

Ианта взяла лист. Серебряная цепь тихо звякнула о край стола.

— Совет не утверждает частные договоры между аудиторами.

— Тогда у Совета нет аудиторов, — сказала Мира.

— И к вечеру будет площадь, которую ваши каменщики назовут безопасной, не найдя источник, — добавил Терен.

Советник у окна наклонился к Ианте, но она остановила его едва заметным движением.

— Вы получите полномочия в указанных пределах, — сказала глава Гильдии. — Старые схемы — после обнаружения действующего соединения. Все решения, способные задержать Игру Прилива, немедленно передаются Совету.

— Все решения передаются, — сказала Мира. — Не только задерживающие.

Ианта улыбнулась. Не тепло и не угрожающе — как человек, увидевший ожидаемый ход.

— Разумеется.

Эльс принёс сургуч. Мира прижала к листу личную печать: две расходящиеся линии, ни одна не главная. Терен поставил рядом свою — арку, удерживаемую двумя опорами. Пять лет назад эти знаки стояли на каждом листе мастерской «Двойной ход». После аварии Совет разделил архив, и Мира больше не видела их рядом.

От сургуча пахло горячей смолой.

— Полномочия прекращаются с последним ударом закатного колокола, — сказал Эльс.

— Если к тому времени мы не найдём источник? — спросил Терен.

— Представьте имеющиеся выводы.

— А площадь?

Ианта закрыла папки.

— Вернётся в городской контур. Завтра начинаются испытания приливных линий, их нельзя перенести без решения полного Совета.

Вот зачем им дали семь часов. Не чтобы найти ответ — чтобы подтвердить заранее удобный.

Терен захлопнул футляр.

— Нам понадобится доступ снизу.

— Под площадью старый водосбор, — сказала Мира. — Вход из северной насосной.

— Его замуровали после Пятой партии.

— Откуда ты знаешь?

— Я строил стену.

Он сказал это буднично, но Мира снова увидела молодого Терена в серой пыли, с обожжёнными ладонями, перед комиссией, где он повторял: «Решение принял я». Она тогда молчала, потому что правда уничтожила бы их обоих. Позже поняла: он не оставил ей даже права выбрать уничтожение.

— Значит, откроешь, — сказала она.

— Если стена на месте.

— Сомневаешься в собственной работе?

— В своей — нет. В том, что Совет оставил её нетронутой, — да.

Ианта уже шла к двери.

— Мастер Ло.

Он обернулся.

— Добро пожаловать в Кассар.

— Я не возвращался.

— Конечно, — сказала Ианта. — Вы только согласились отвечать за то, что находится под его улицами.

Дверь закрылась за Советом. Эльс забрал подписанный лист, оставив им две заверенные копии и медную пластинку.

Мира встала первой.

— До площади двенадцать минут быстрым шагом. По дороге ты расскажешь, почему приехал без инструментов для чтения игр.

Терен поднял футляр.

— А ты — почему закрытая команда знает путь к стене, которую мы построили пять лет назад.

— Мы ещё не установили, что знает.

— Ты попросила старые схемы до того, как увидела раздвоение линии.

— Я проверяла Ианту.

— И проверила.

Они вышли в коридор рядом, но не вместе. Между их плечами оставалось ровно столько места, чтобы третий человек мог пройти, не коснувшись ни одного.

У лестницы Терен остановился.

— Один вопрос до начала аудита.

— Мы уже начали.

— Тогда он служебный. Когда команда взяла твою развилку, ты почувствовала направление?

Мира хотела ответить «к фигуре». Это было очевидно: ледяное кольцо затянулось в момент, когда бронзовая девочка сжала ладонь. Но память вернула другое — короткий тол-

чок под камнем после того, как ключ унесли. Не притяжение наружу. Падение, будто решение провалилось сквозь площадь.

— Вниз, — сказала она.

Терен посмотрел на медную пластинку в её руке.

— Тогда нас ждёт не замурованный вход.

— А что?

— Поле, которое научилось считать город своей фигурой.

Закатный колокол ещё молчал. Где-то далеко, под ровным шумом гавани, по камню прошла едва слышная дрожь.

Мира протянула Терену одну из двух копий полномочий.

— До заката ты не закрываешь от меня ни одной двери.

Он взял лист, не коснувшись её пальцев.

— До заката ты не проходишь в них одна.

Это не было доверием. Пока только правилом.

Но правило подписали двое.

Глава 3. Улица становится доской

Северная насосная не выглядела замурованной.

Она выглядела забытой.

Между рыбным складом и домом канатчиков оставался узкий фасад из серого камня: дверь без ручки, два слепых окна, медная табличка, позеленевшая до цвета штормовой воды. Торговцы ставили к стене пустые ящики. Над карнизом сушились чужие сети. Никому не приходило в голову спрашивать, почему в квартале, где каждый локоть земли приносил плату, целое здание пять лет не открывали.

Мира остановилась посреди улицы.

— Ты сказал, что построил стену.

— Изнутри, — ответил Терен.

Он опустил футляр на мостовую и провёл ладонью по шву между дверью и косяком. Потом приложил к камню короткий камертонный стержень и щёлкнул ногтем. Звук получился низким, почти неслышным. В десяти шагах, возле водостока, отозвалась чугунная решётка.

Мира посмотрела туда.

— Стена за дверью соединена с улицей?

— Пять лет назад не была.

— Удобная единица времени. Можно не отвечать ни за что, что случилось позже.

— Можно. Но тогда мы не успеем до заката.

Он сказал это без упрёка и снова ударил по стержню. На этот раз ответ пришёл сразу из трёх мест: от водостока, от основания фонарного столба и из-под каблука Миры.

Она отступила. Камень под ногой ничем не отличался от соседних — гладкий, с белой прожилкой соли. Только на краю шва лежала тонкая серебристая пыль.

— Следящий состав каменщиков?

Терен присел, не касаясь пыли.

— Нет. У следящего состава крупные зёрна. Это толчёное зеркало.

— В уличном растворе?

— В свежем уличном растворе.

Мира оглянулась. Площадь Морских Часов осталась за двумя поворотами, но оцепление уже изменило движение квартала. Тележки теснились на обходной улице, носильщики ругались, дети перебежали между взрослыми, а над всем этим гудели приливные трубы. Город делал вид, что одна закрытая площадь ничего не значит. При этом каждый маршрут рядом с ней уже стал другим.

— Нам нужна копия до вскрытия, — сказала она.

Терен достал из футляра синюю нить, закрепил конец на двери и протянул через отмеченные точки. Нить натянулась ломаной линией: дверь, водосток, фонарь, камень под ногами Миры. У каждого из них она на миг вспыхнула и запомнила оттенок отклика.

Мира положила медную пластинку Совета на футляр. Отражённая схема площади проступила на её поверхности. Северная вилка совпала с направлением нити.

— Исходный след зафиксирован обоими, — сказала она.

— Зафиксирован.

Терен нажал большим пальцем на каменную розетку в центре двери. Розетка повернулась слишком легко.

За дверью не было стены.

Был коридор.

Из темноты потянуло мокрой известью и железом. На полу блеснула вода. Дальше, там, где должна была стоять кладка Терена, мерцали медные скобы нового крепления.

Мира шагнула к порогу. Терен выставил руку, не касаясь её.

— Мы договорились не проходить поодиночке.

— Ты ещё снаружи.

— Поэтому и ты ещё снаружи.

Она могла напомнить, что правило звучало иначе. Могла воспользоваться различием между обещанием на лестнице и подписанным условием аудита. Пять лет назад они выигрывали именно так: один замечал зазор в формулировке, второй превращал его в ход.

Мира убрала ногу с порога.

— Вместе.

Терен взял два световых зерна. Одно отдал ей, второе прижал к застёжке своего воротника. Белое свечение выхватило лестницу, уходившую на два пролёта вниз.

Они вошли одновременно.

Дверь осталась открытой. Мира отметила это сознательно: выход виден, путь свободен, решение вернуться существует. После площади простая возможность отступить казалась роскошью.

На нижней площадке начиналась стена Терена. Вернее, то, что от неё осталось. Серые блоки были вынуты из середины и сложены вдоль коридора с аккуратностью архивных папок. На растворе сохранились оттиски арочной печати. Между старой кладкой и новым проёмом тянулась полоса зеркальной смеси.

— Кто-то разобрал её без скола, — сказала Мира.

Терен провёл светом вдоль блоков.

— Знал порядок замыкания.

— Его знали каменщики Гильдии.

— Порядок укладки — да. Порядок замыкания знали двое.

Мира посмотрела на него.

— Я его не знала.

— Я считал, что знала.

— Почему?

— Потому что утром после аварии на моём столе лежала твоя схема стены.

В коридоре капнула вода. Звук несколько раз повторился под сводом, будто пространство не соглашалось оставить им только один ответ.

— Я не рисовала стену, — сказала Мира.

— На листе была твоя подпись.

— Подпись правил или личная печать?

Терен задержал взгляд на старом оттиске.

— Подпись правил.

— Тогда лист прошёл через мастерскую. Её ставили на утверждённые версии оба помощника.

— И ты.

— И ты мог спросить.

— Мог.

Он не стал объяснять, почему не спросил. Это раздражало сильнее оправданий, потому что оставляло Мира собственный вывод: после аварии они оба предпочитали доказательства, которые позволяли не разговаривать.

Она подняла медную пластинку к зеркальной полосе. В отражении проступили тонкие линии — не рисунок кладки, а последовательность приказов. Три были погашены. Четвёртая дрожала, уходя через проём.

— Действующее соединение, — сказала Мира. — Теперь Совет обязан дать старые схемы.

- Если мы донесём пластинку наверх.
- Ты ожидаешь, что коридор попытается нас съесть?
- Я ожидаю, что тот, кто открыл стену, предусмотрел свидетелей.
- Один из нас может отнести копию.
- Один из нас не проходит двери один.
- Это уже становится неудобным.
- Значит, правило работает.

За проёмом находился старый водосбор — круглый зал, где вода когда-то поднималась приливными колёсами к уличным фонтанам. Колёса сняли, но в камне остались глубокие гнёзда осей. По стенам шли сухие каналы. В центре чернел резервуар, затянутый металлической сеткой.

И всё же зал работал.

Каждый шаг наверху отзывался на его своде коротким световым пятном. Тележное колесо прокатилось над насосной — по стене пробежала цепочка золотых клеток. Кто-то остановился у двери — вспыхнул прямоугольник порога. Двое разошлись на перекрёстке, и сухой канал раздвоился бирюзовым светом.

Улица отражалась внизу как игровая доска.

Мира подошла к ближайшему каналу.

— Это не карта.

— Нет, — сказал Терен. — Карта повторяла бы пространство. Здесь повторяются решения в пространстве.

На своде снова возникли две дорожки. Одна погасла, когда человек наверху выбрал другую. Погасшая линия не исчезла совсем: по ней прошла бледная рябь к центру резервуара.

Мира почувствовала холод в ладони. Тот же, что на площади, только слабее.

— Оно собирает не отданные развилки.

— Похоже на то.

— Люди на улице не соглашались участвовать в игре.

— Поэтому это не игровое поле.

Терен произнёс фразу осторожно, проверяя её на прочность.

Мира поняла следствие раньше, чем захотела его назвать.

— Если это не поле, на него не действуют правила остановки.

— И ограничения по границам.

— И право владельца забрать развилку.

В центре резервуара что-то щёлкнуло.

Сетка дрогнула, и от неё по камню ушёл импульс. На своде все линии на миг повернули в одну сторону — к площади Морских Часов. Даже те, что изображали шаги людей, уходивших от неё.

Мира прижала пластинку к стене. Медная поверхность потемнела. На схеме площади северная вилка вспыхнула, затем свет побежал назад — из насосной к фонтану.

— Вот источник, — сказала она. — Команда пришла не от фигуры. Город подал её на поле через мостовую.

Терен уже разматывал нить. Он закрепил три петли на сухих каналах, четвёртую — на сетке резервуара, пятую протянул к проёму. Нить вспыхнула вся сразу.

— Источник глубже, — сказал он. — Насосная только узел.

— Для доказательства достаточно узла.

— Для Совета — возможно. Для остановки — нет.

Наверху закричали.

Мира сорвала пластинку со стены. Крик повторился — мужской, растерянный, не от боли. Потом послышался грохот упавших ящиков.

Они выбежали из водосбора. На лестнице Терен оказался впереди, но у порога остановился ровно настолько, чтобы Мира поравнялась с ним. Даже сейчас соблюдал правило. Или не доверял улице принять их по одному.

Возле водостока сидел Оррис Дай, хозяин лавки картографов. В отборочной партии он стоял у западного края площади и первым после остановки потребовал открыть выходы. Теперь вокруг него валялись свёрнутые карты, ремни дорожного сундука и разбитый ящик с чернильницами.

Мира знала Орриса шесть лет. Он продавал карты людям, которые не верили чужим направлениям, и каждую весну объявлял, что уедет на материк, как только найдёт покупателя для лавки.

Сегодня рядом с ним стоял дорожный сундук.

— Не трогайте его, — сказала Мира собравшимся.

Оррис поднял голову. На лбу блестел пот.

— Мастер Вей. Хорошо. Вы объясните.

— Что именно?

— Зачем это у меня.

Он показал на сундук.

— Ваш, — сказал кто-то из соседей. — Сам тащил от лавки.

— Вижу, что мой. Зачем я его тащил?

Мира присела перед ним.

— Вы собирались покинуть Кассар?

Оррис нахмурился.

— Разумеется, когда-нибудь. Все собираются.

— Сегодня.

— Сегодня у меня поставка новых береговых листов.

Соседка-канатчица издала короткий недоверчивый звук.

— Ты продал лавку утром, Оррис. Моему племяннику. Половину улицы созвал свидетелями.

Оррис посмотрел на неё, потом на сундук. Его руки легли на крышку, словно принадлежали другому человеку.

— Зачем мне продавать лавку?

— Вы получили место королевского съёмщика на материке, — сказала Мира. — Вы рассказывали об этом перед началом отбора.

Она помнила, как он показывал билет: белая плотная бумага, красная волна в углу. Оррис отказался от места на зрительской галерее, чтобы успеть на полуденный корабль. Потом услышал спор Миры с Талом и остался ещё на одну партию.

Остался — это был его выбор.

Уехать — развилка, от которой он временно отказался.

— Билет, — сказала Мира. — Где билет?

Оррис полез во внутренний карман. Достал сложенный лист, развернул, прочитал своё имя и побледнел.

— Я не подавал прошение.

— Подавали, — ответила соседка. — Три года подряд.

— Я люблю Кассар.

— Можно любить город и уехать из него, — тихо сказала Мира.

Оррис посмотрел на неё с испугом человека, которому предложили представить невозможную фигуру.

— Нет, — сказал он. — Если любишь, не уезжаешь.

Терен опустился рядом с Мирой.

— Назовите три причины остаться.

— Лавка. Дом. Мои карты.

— Лавка продана. Дом сдан покупателю. Карты в сундуке. Назовите четвёртую.

Оррис открыл рот.

Его взгляд метнулся к фасадам, к гавани в конце улицы, к белому билету. По лицу прошла мучительная сосредоточенность. Он не искал ответ — пытался создать саму возможность ответа и не находил места, куда её поставить.

— Я остаюсь, — наконец произнёс он. — Значит, причина есть.

Вокруг стало тихо.

Мира вспомнила собственное «невозможно» на площади. Не сомнение. Не забытое слово. Гладкая стена там, где ещё вчера находилась дверь.

— Не спорьте с ним, — сказала она соседям. — Не заставляйте выбирать заново.

— Корабль отходит через час, — возразила канатчица. — Он ждал этого места полжизни.

— Сейчас любое убеждение станет чужим ходом. Ему нужна возвращённая развилка, а не хорошее решение вместо неё.

Оррис сжал билет.

— Я никуда не просил меня возвращать.

— Именно это мы и проверим.

Мира протянула ладонь, но не к нему — к белому листу.

— Разрешите использовать билет как след вашего решения. Не память. Только след.

— Чтобы доказать, что я хотел уехать?

— Чтобы доказать, что вы имели право хотеть и уехать, и остаться.

Он долго смотрел на билет. Потом положил его ей на ладонь.

— Не рвите.

— Не порву.

Терен открыл футляр, и Мира поместила билет рядом с медной пластинкой. Красная волна на бумаге отразилась в меди чёрной линией. Северная вилка дёрнулась к ней, будто узнала.

Затем от водостока потянулась серебряная пыль.

Не по воздуху — внутри швов мостовой. Один камень за другим обозначился тонким блеском. Линия прошла под сундуком Орриса, свернула к насосной и исчезла за открытой дверью.

Терен приложил стержень к ближайшему шву. Гул поднялся по стенам домов. На миг вся улица ответила единым тоном.

Люди отшатнулись к фасадам.

Камни между ними засветились клетками.

Не метафорой, не отражением снизу: настоящими игровыми клетками, каждая шириной в человеческий шаг. По ним пробежали знаки направлений. У перекрёстка возникла развилка из двух золотых стрелок. Одна указывала к гавани, другая — обратно к площади. Стрелка к гавани погасла. Вторая стала ярче.

Оррис поднялся.

— Вот, — сказал он с облегчением. — Обратно.

Он сделал шаг к площади.

Мира схватила его за рукав.

Холод ударил выше локтя. Перед глазами возникло простое, безупречное решение: вернуть Орриса домой, закрыть сундук, отнести билет в Гильдию, признать улицу безопасной после замены раствора. Каждое действие вытекало из предыдущего. Ни одного сомнения. Ни одной лишней возможности.

И потому решение было чужим.

— Терен, остановка, — сказала она.

Он не спросил причины. Право без объяснения на четверть часа.

Терен ударил два стержня друг о друга. Резкий диссонанс разрезал общий гул. Световые клетки дрогнули, но не погасли. Тогда он наступил на синюю нить у порога насосной и рванул её из крепления.

По улице прошла судорога. Золотая стрелка рассыпалась на множество коротких черточек. Оррис обмяк в руках Миры, однако перестал тянуться к площади.

— Время, — сказал Терен.

Мира взглянула на часы над лавкой. Без двадцати два.

— Остановка действует до пяти минут третьего.

— Причина?

Она могла не называть её ещё четырнадцать минут. Подписанное правило позволяло молчать. Но Оррис держался за её плечо и шептал: «Обратно», будто это слово было единственной доской над глубиной.

— Улица использовала его украденную развилку как приказ, — сказала Мира. — И предложила мне завершить приказ за него. Если мы просто отсечём насосную, ход останется в мостовой и выберет другого исполнителя.

Терен кивнул.

— Остановка продлена по названной причине.

Не похвала. Не прощение. Только подтверждение, что она отдала ему право проверить вывод.

Он повернулся к людям.

— Всем сойти со светлых камней. Не выбирайте направление, которое показывает улица. И не выбирайте противоположное назло ей. Встаньте там, где были.

— Какая разница? — спросил носильщик.

— Противоположный ход всё ещё принадлежит доске.

Мира передала Орриса канатчице. Та обняла его за плечи, не уговаривая ни остаться, ни уехать.

— Уведите его с линии, но билет оставьте у меня. До возвращения развилки он не принимает решений о дороге и собственности.

— А корабль?

Мира посмотрела на белый лист. Если корабль уйдёт, чужое вмешательство станет необратимым даже после возвращения памяти. Если задержать его приказом Совета, придётся раскрыть происшествие прежде, чем они поймут устройство сети.

— Терен, мне нужна твоя копия полномочий.

Он протянул лист.

На обороте Мира написала: «По причине действующего игрового воздействия на городскую мостовую задержать отправление полуденного корабля до третьего удара после двух часов. Ответственность — аудиторы Вей и Ло».

— Ты согласен разделить решение? — спросила она.

Терен прочёл.

— Нет.

Канатчица резко вдохнула.

Он взял перо и зачеркнул слово «игрового».

— Мы установили, что это воздействие вне зарегистрированного поля. Если назовём его игровым, Гильдия закроет случай внутренней комиссией.

Вместо зачёркнутого он написал: «неразрешённого».

— Теперь согласен.

Мира поставила печать. Терен — свою. Посыльный из рыбной лавки побежал к гавани с листом.

На улице свет постепенно тускнел. Остановка разорвала ближайшую цепь, но под камнями продолжал жить низкий гул. Мира видела его по серебряным швам: сеть уходила к площади, к гавани, в переулок красильщиков и дальше, куда взгляд не доставал.

Терен достал из проёма оборванную нить. На одном участке синий цвет выгорел до белого. Он провёл пальцами вдоль волокна и показал Мира крошечный узел.

— Моя связка, — сказал он.

— Та, которой ты замкнул стену?

— Та, которой я замыкал пространственный контур Пятой партии.

Мира взяла нить за неповреждённый край. Узел состоял из двух петель, одна держала другую только под нагрузкой. В мастерской «Двойной ход» Терен называл такую связку чужой победой: чтобы освободить первую петлю, нужно было затянуть вторую.

— Этому могли научиться по твоим чертежам.

— Чертежи изъял Совет.

— Или по самой стене.

— Для этого её пришлось бы открыть, пока замыкание ещё действовало. Потом рисунок распадается.

Слова легли между ними слишком удобно. Терена не было в Кассаре пять лет. Его подпись обнаружилась в тайно открытой стене. Его связка соединяла мостовую с узлом, который крал решения. Именно такую последовательность доказательств выбрал бы человек, желающий, чтобы Мира увидела виновного прежде причины.

И всё же связь существовала.

— Когда распалось замыкание? — спросила она.

— На рассвете после Пятой партии.

— Ты был здесь?

— До рассвета.

— А после?

Терен встретил её взгляд.

— После меня уже не пустили под площадь.

К насосной подъехала чёрная карета Гильдии. Эльс вышел прежде, чем колёса остановились. За ним появились четверо каменщиков с закрытыми ящиками.

— Совет получил сигнал о вскрытии городского контура, — сказал секретарь. — Вы должны немедленно передать найденные материалы.

Мира подняла медную пластинку, но не отдала.

— Сначала старые схемы площади.

— Глава Рей рассмотрит требование после предварительного отчёта.

— Действующее соединение обнаружено. Это было её условие.

Эльс посмотрел на светящиеся швы. На Орриса с дорожным сундуком. На две печати под распоряжением о задержке корабля. Его лицо осталось бесстрастным, однако правая рука закрыла пряжку папки — жест человека, который защищает не документ, а порядок доступа к нему.

— Что именно вы считаете действующим соединением?

Терен положил белую нить рядом с пластинкой.

— Мостовая принимает отменённые решения прохожих, проводит их через старый водосбор и передаёт на площадь как команды. Стена, закрывавшая узел, разобрана с использованием связки пространственного контура Пятой партии.

Эльс впервые посмотрел на него прямо.

— Вашей связки.

— Моей.

— Вы признаёте это при свидетелях?

— Я признаю устройство узла. Авторство действия предстоит установить.

— Очень предусмотрительная разница.

Мира услышала то, чего не было в голосе секретаря раньше: не удивление. Готовность. Будто он ждал именно этой находки.

Она вспомнила Ианту: старые схемы — после обнаружения действующего соединения. Условие звучало как уступка, но могло быть приманкой. Им позволили найти след, который вёл к единственному человеку, чья вина уже была записана в публичном реестре.

— Материалы останутся у нас в двух копиях, — сказала Мира. — Согласно утверждённым полномочиям.

— Каменщики должны отсечь повреждённый участок.

— Не должны, — ответили они с Тереном одновременно.

Эльс перевёл взгляд с одного на другую.

Мира указала на Орриса.

— Отсечение узла не возвращает украденную развилку и может передать ход другому исполнителю. До построения обратного пути никто не касается швов.

— Вы задерживаете восстановление движения на площади.

— Мы предотвращаем повторное стирание выбора.

— На основании одного растерянного торговца?

Оррис вздрогнул.

Терен шагнул так, чтобы Эльсу пришлось смотреть на него, а не на пострадавшего.

— На основании отражённой команды, физического канала и совпавшего следа владельца развилки. Этого достаточно для старых схем.

Секретарь молчал несколько секунд. Затем расстегнул папку.

Внутри лежала схема северной насосной.

Уже подготовленная.

Он протянул её Мире.

— Совет ценит точность собственных обещаний.

На плане были отмечены старые каналы, резервуар и стена Терена. Под схемой стояла дата — утро после Пятой партии. Поверх исходных линий красными чернилами нанесли новый контур, связывающий водосбор с мостовой.

В углу находилась подпись архитектора.

Терен Ло.

Мира не посмотрела на него. Сначала изучила нажим пера, соединение букв, поворот последней черты. Подпись была безупречной — настолько, насколько безупречным бывает ход, если заранее известно, что должен увидеть противник.

Терен стоял рядом неподвижно.

— Это не моя подпись, — сказал он.

— Похожа, — ответила Мира.

— Я сказал не «не похожа».

Эльс закрыл папку.

— До заката осталось менее пяти часов. Совет ждёт ваш совместный вывод.

Каменщики отступили к карете, но ящики не убрали. Гильдия позволяла им продолжить — ровно до тех пор, пока найденные доказательства складывались в нужную партию.

Мира свернула схему и поместила её в футляр Терена рядом с билетом Орриса.

— Ты мне веришь? — спросил он, когда Эльс отошёл.

Она посмотрела на серебряные швы улицы. Они всё ещё сходились к площади, предлагая самый короткий и убедительный путь.

— Я верю, что кто-то очень хочет, чтобы я решила сейчас.

— Это не ответ.

— Это единственный мой ответ, который пока не принадлежит доске.

Терен закрыл футляр.

Над крышами ударил второй час. У гавани протрубили задержку корабля. Оррис заплакал — беззвучно, сердито, всё ещё не понимая, о чём именно жалеет.

Мира повернулась к открытой насосной.

Под городом ждала сеть, построенная из чужих несделанных выборов. В её первом узле лежал почерк Терена. В архиве — документ с его именем. А где-то между ними оставался ход, который пять лет назад совершил кто-то третий.

До заката им предстояло доказать не только откуда пришла команда.

Им предстояло не позволить доказательству выбрать виновного за них.

Глава 4. Чужая победа

Схему нельзя было унести с улицы, пока она оставалась единственной.

Мира положила лист на крышку пустого ящика каменщиков и прижала углы четырьмя медными шайбами. Эльс наблюдал из-под навеса рыбной лавки. Он не торопил их и тем выдавал приказ точнее любых слов: Совет хотел, чтобы они успели найти виновного до заката, но не успели усомниться в самой форме вины.

Терен стоял напротив. Между ними лежало его имя.

— Сначала бумага, — сказала Мира.

— Сначала канал. Подпись никого не заставляет красть решения.

— Подпись определяет, кто получил доступ к каналу утром после Пятой партии.

— Если она настоящая.

— Если нет, подделывали не только росчерк. Подделывали привычку.

Она вынула из футляра разрешение на аудит, подписанное Тереном час назад, и положила рядом со схемой. В обеих подписях первая черта буквы «Л» уходила ниже строки, будто автор в последний миг проверял прочность опоры. Одинаково сужалась петля. Одинаково перо задерживалось перед последним коротким взмахом.

Но сегодняшняя подпись блестела там, где Терен нажал сильнее. Старая впитывалась в бумагу ровно, без единого углубления.

Мира наклонила лист к свету.

— Чернила наносили без пера.

Терен не подошёл ближе.

— Оттиском?

— Оттиск повторил бы толщину линий, но не порядок движений. Здесь есть заходы одного штриха под другой. Кто-то писал.

— Тогда нажим должен остаться.

— Если рука касалась листа.

Она достала серую пластинку для чтения правил, провела краем над подписью и пустила слабый ток. Чернила поднялись серебристым рельефом. Над листом возникла последовательность движений: невидимый писец выводил имя в воздухе, не прикасаясь к бумаге, а волокна принимали форму как объявленное правило.

— Полевая запись, — сказал Терен. — Её можно сделать только внутри действующего контура.

— Или моей доской для удалённых поправок.

Он наконец посмотрел на неё.

Пять лет назад они придумали способ подписывать изменения с разных концов огромного поля. Мира объявляла допустимую форму, Терен прокладывал путь, по которому движение руки переносилось на схему. Один не мог создать запись без другого. Они назвали приём связанной рукой и хвастались им перед Советом, пока тот не распорядился засекретить работу.

— Твоя доска сгорела, — сказал Терен.

— Я видела обугленную раму. Не сердцевину.

— Серцевину вынес я.

— Вот как.

По улице прошёл порыв с моря. Шайба на нижнем углу дрогнула, но схема не сдвинулась.

Терен произнёс ровно:

— Я вынес её из зала перед тем, как вернулся за людьми. Она мешала держать аварийный выход открытым.

— В протоколе этого нет.

— В протоколе много чего нет.

— Где сердцевина?

— Я оставил её в нижней галерее.

Мира рассмеялась — один короткий звук, от которого Оррис у стены поднял голову.

— Ты оставил мой инструмент в закрытом контуре, а потом своей связкой замуровал вход. Через пять лет та же связка стоит в незаконном узле, а моей рукой подписана твоя фамилия. И ты предлагаешь начать с канала?

— Да.

— Потому что канал не умеет отвечать.

— Потому что он материален.

— Как стена, которую ты будто бы закрыл навсегда?

Он принял удар, не отводя взгляда.

— Именно как стена. Поэтому её нужно проверить, а не судить по моему рассказу.

Это было не оправдание. Хуже: он снова предлагал ей правильный метод вместо ответа, на который она имела право.

Мира сняла с края схемы медную шайбу.

— Ты использовал связку чужой победы после аварии?

— Да.

— Один?

— Да.

— Ты мог оставить в ней путь возврата?

— Мог.

— Оставил?

— Нет.

— А сердцевину моей доски оставил.

— Да.

Каждое признание было чистым и бесполезным. Терен никогда не лгал там, где мог выбрать молчание.

Мира сложила старую схему вчетверо.

— Тогда моя рабочая версия: ты сохранил связанный путь, чтобы вернуться к контуру без Совета. Пять лет ждал, пока испытания Игры Прилива приблизятся к финалу. Теперь скрытая сеть вынуждает Гильдию закрыть проект, а ты получаешь то, ради чего приехал.

Оррис перестал перебирать край билета. Даже каменчики у кареты замерли.

Терен смотрел только на Миру.

— Ты забыла последствие.

— Просвети меня.

— Если я мог управлять сетью, мне не требовалось возвращаться в Кассар и стоять рядом со своей подписью. Я бы дал ей разрушить отбор, а Совет закрыл бы игру сам.

— Совет не закрыл отбор после пострадавших в Пятой партии.

— Верно. Значит, саботажник должен был знать, что одного сбоя недостаточно. Ему нужны аудиторы, которые докажут устройство сети публично.

— И потому ты здесь.

— И потому здесь ты.

Он указал на зависшую над бумагой серебряную подпись.

— Моя связка переносит пространство. Твоя доска переносит правило. Подделка создана обоими способами. Если обвиняешь меня, назови, как я воспроизвёл твою половину.

— По оставленной сердцевине.

— Она принимает только руку, которую запомнила.

— Мою.

— Ты была в отъезде, когда подписали схему?

— Нет.

Ответ оказался слишком быстрым.

На рассвете после аварии Мира не уехала. Она сидела в западной комнате Гильдии, отвечала на одни и те же вопросы и пыталась вспомнить, сама ли приказала открыть незаконченный выход или Терен подсказал ей решение. К полудню ей показали признание с его подписью. После этого Совет больше не спрашивал о её приказе.

— Где ты была? — спросил он.

— Под надзором Совета.

— Руки фиксировали?

— Нет.

— Тебе давали что-нибудь подписывать?

Она хотела сказать «протокол». Слово не пришло. Вместо него возник белый стол, чашка с горькой водой и прямоугольник серого воска, на который просили положить ладонь. Не подписать. Подтвердить, что она добровольно передаёт Совету право закрыть повреждённое поле.

Мира развернула схему.

— Подпись датирована утром. Меня опрашивали до полудня.

— Дата написана чернилами. Последовательность движений можно было сохранить раньше.

— Ты хочешь сказать, Совет взял мою руку и написал твоё имя?

— Я хочу проверить.

— Конечно. Проверка снова избавляет тебя от необходимости сказать, что ты делал после того, как присвоил мою вину.

На этот раз он отвёл взгляд — к насосной, где белая нить свисала из стены.

— Я искал тебя.

— Нет. Ты дал признание и исчез.

— Сначала искал.

— Где?

— В нижней галерее.

Мира медленно опустила схему.

— Ты знал, что я там?

— Я знал, что часть твоей развилки осталась в поле. После аварийной остановки контур продолжал повторять твой приказ. Я подумал, что он удерживает и тебя.

— И нашёл сердцевину.

— Нашёл открытый выход, доску и след связанной руки. Твой след шёл от галереи к комнате Совета.

— Почему ты никогда этого не сказал?

— Потому что к тому времени Совет уже показал мне список пострадавших. Если бы в протокол попал твой приказ, нас обвинили бы обоих, мастерскую закрыли бы, а контур разобрали прежде, чем людям вернули развилки.

— Ты решил за меня.

— Да.

Слово ударило точнее оправдания.

— Ты решил, что я предпочту имя правде.

— Я решил, что один виновный оставит второго с правом работать.

— И как, сработало?

Он посмотрел на опечатанную площадь за крышами.

— Нет.

Мира убрала сегодняшнее разрешение, оставив старую подпись одну. Гнев требовал немедленного вывода. Город под ногами делал то же самое — превращал утраченные возможности в приказ. Если она обвинит Терена сейчас, это будет её выбор. Но выбор, сделанный по коридору, который для неё расчистил кто-то другой.

— Покажи связку, — сказала она.

Они вошли в насосную. Терен не стал возвращать вырванную нить в стену. Он разложил её на каменном подоконнике и распустил узел костяной иглой.

Связка чужой победы выглядела просто: две петли тянулись в разные стороны, и каждая при нагрузке затягивала другую. В старой мастерской они использовали её для полей, где два противника должны были одновременно приблизиться к центру. Победитель открывал путь проигравшему; проигравший удерживал опору победителя. Название придумала Мира после бессонной ночи и трёх разбитых макетов.

Терен отделил белую часть волокна от синей.

— Видишь переход?

— Выгорание.

— Нет. Сращение.

Под увеличительным стеклом обнаружилась третья нить, почти прозрачная. Она входила в синюю петлю, повторяла половину оборота и выходила белой. Не пришивалась и не обматывала основу — росла из неё, словно всегда была частью волокна.

— Так не соединяют пространственные линии, — сказала Мира.

— Так соединяют наше поле.

Он положил рядом медную пластинку с их знаком. Три короткие черты легли напротив узла. Первая соответствовала правилу Мира, вторая — пути Терена. Третью они наносили только на совместные работы: точку согласования, где правило могло изменить пространство, а пространство — ограничить правило.

На незаконной нити прозрачное сращение начиналось точно под третьей чертой.

— Кто-то не скопировал твою связку, — сказала Мира. — Он вырастил её из точки согласования.

— Из действующей точки. Мёртвый чертёж этого не умеет.

— Значит, Пятая партия не была полностью остановлена.

Слова отозвались в стенах низким тоном. Серебряные швы на полу насосной вспыхнули, будто город услышал объявленное правило.

Оррис у двери вскрикнул. Его билет выскользнул из пальцев и лёг красной волной к северу.

— Не двигаться, — сказал Терен.

— Это не команда улицы, — возразила Мира. — Она отвечает на наше определение.

— Тем более.

Из распущенной связки поднялась прозрачная нить. Она натянулась к медной пластинке, коснулась третьей черты и потянула её свет дальше — сквозь стену насосной, под мостовую, в сторону старой площади.

Мира поставила на путь серую пластинку для чтения правил. На её поверхности появились две фразы.

Первая принадлежала ей: «Открыть незавершённый выход».

Вторая — Терену: «Замкнуть пространство вокруг выхода».

Они были отданы пять лет назад, одна за другой. В аварии приказы столкнулись и должны были взаимно погаснуть. На пластинке же они стояли рядом, связанные третьей строкой без имени:

«Сохранять возможность повторного выбора».

— Мы не писали этого правила, — сказала Мира.

— Нет.

— Но оно использует наш способ согласования.

Прозрачная нить дрогнула. На миг насосная исчезла.

Мира увидела нижнюю галерею такой, какой она была в ночь Пятой партии: мокрые стены, расколотые игровые плиты, людей у аварийного выхода. Молодой Терен держал пространственный контур обеими руками. Мира стояла у серой доски и кричала, что путь нельзя закрывать, пока последний зритель не вернёт себе развилку.

За их спинами кто-то коснулся точки согласования.

Не лицо. Рука в тёмной перчатке, на указательном пальце — узкое кольцо с красной эмалью. Рука повернула их встречные приказы не друг против друга, а в одну сторону. Открывать. Замыкать. Сохранять. Три действия образовали новый круг.

Видение оборвалось.

Мира упёрлась ладонью в подоконник. Терен оказался рядом, но не коснулся её.

— Ты видел?

— Кольцо.

— Красное.

— И третью руку.

Эльс вошёл в насосную слишком быстро для человека, который наблюдал издалека.

— Что произошло?

Мира закрыла пластинку ладонью.

На правой руке секретаря не было кольца. На коже оставалась светлая полоса, будто узкий ободок сняли недавно.

— Материальный отклик старого контура, — сказала она. — Мы должны осмотреть нижнюю галерею.

— Она опечатана после аварии.

— Значит, печать сохранилась?

— Разумеется.

— Тогда вы легко покажете её целой.

Эльс перевёл взгляд на Терена.

— Совет разрешил аудит действующих соединений, а не раскопки исторических обвинений.

— Соединение действует, — сказал Терен. — Оно только что ответило.

— Ваше присутствие само могло его вызвать.

— Тогда тем более нельзя возвращать площадь в городской контур до заката.

Секретарь сжал пряжку папки.

— У вас осталось три часа. Если вы не представите согласованный вывод, решение примет глава Рей.

— Представим, — сказала Мира. — Но сначала возьмём две независимые копии следа.

— Здесь нет оборудования Гильдии.

— Зато есть два аудитора.

Она протянула Терену серую пластинку. Тот не взял.

— Нет, — сказал он.

Эльс едва заметно выдохнул.

Мира почувствовала, как старый порядок немедленно предлагает объяснение: Терен боится копии, потому что она докажет его вину.

— Причина отказа? — спросила она.

— Если разделить след обычным способом, каждая копия получит только половину согласования. Твоя покажет правило, моя — путь. Совет снова сможет судить нас по отдельности.

— Предложение?

— Новый замок. Два ключа, ни один не открывает его один.

В другой день она назвала бы это уловкой, попыткой привязать её доказательство к его присутствию. Теперь прозрачная нить лежала перед ними и демонстрировала цену разделения лучше любого спора.

— Условия, — сказала Мира.

— Каждый хранит полную копию. Прочитать её можно только после двух разных решений, принятых независимо.

— Если один из нас исчезнет, доказательство исчезнет вместе с ним.

— Тогда нужен третий ключ, который возникает только при нарушении срока.

— Не человек.

— Время.

Она посмотрела на часы над лавкой, видные через дверь насосной.

— До заката — два решения. После заката копии открываются любому городскому аудитору.

— Принимаю.

— Я ещё не закончила. Ни один из ключей не может отменить другой. Только добавить ограничение.

Взгляд Терена изменился. На краткое мгновение между ними оказалась не насосная, а мастерская: доска, спор, азарт от правила, которое становилось лучше под чужим нажимом.

— Тогда замок не откроется, если решения несовместимы, — сказал он.

— Именно. Нам придётся построить совместимость, не зная чужого решения заранее.

— Это плохая конструкция.

— Это честная конструкция.

— Поэтому плохая.

Мира почти улыбнулась.

Эльс шагнул к выходу.

— Я сообщу Совету, что согласованного вывода нет.

— Сообщите точнее, — сказала Мира. — Установлено использование действующего контура Пятой партии третьим участником. Личная подпись Терена Ло не подтверждает его личного действия. До исследования точки согласования обвинение не считается выводом аудита.

— Вы снимаете с него подозрение?

— Нет. Я запрещаю подозрению притворяться доказательством.

Терен собрал распушенную связку, пластинку и билет Орриса. На этот раз футляр закрылся двумя щелчками: каждый повернул свою защёлку.

Эльс вышел. Светлая полоса на его пальце исчезла в перчатке.

Мира подождала, пока секретарь отойдёт к карете.

— Ты узнал кольцо?

— Такие носили хранители протокола во время Пятой партии.

— Эльс тогда был младшим писцом.

— Ианта Рей руководила полевым Советом.

— Красная эмаль ничего не доказывает.

— Уже научился.

Они вышли на улицу. Серебряные линии под камнями потускнели, но теперь Мира различала в их рисунке не одну сеть, а две. Синяя прокладывала путь Терена. Золотая несла правила Миры. Между ними проросли прозрачные перемычки — чужие, живые, созданные в ночь, когда каждый из них пытался спасти другого, не спросив разрешения.

Оррис ждал возле сундука.

— Я вспомню, зачем уезжал?

Мира посмотрела на билет в футляре.

— Мы нашли место, где ваш выбор удерживают. Но вернуть его силой — значит выбрать за вас ещё раз.

— Корабль уйдёт.

— Не раньше третьего удара. А если мы не успеем, задержку продлят за наш счёт.

Терен поднял бровь.

— За наш?

— Ты согласился разделить решение.

— После того как вычеркнул неверное слово.

— Можешь вычеркнуть и цену. Если предложишь другую, не отнимающую у Орриса дорогу.

Он взглянул на торговца, потом на её защёлку футляра.

— Не вычёркиваю.

Это было крошечное решение, не похожее на примирение. И всё же впервые за пять лет их общий ход не требовал, чтобы один молча заплатил за другого.

Мира развернула старую схему ещё раз. В красном контуре теперь проступала едва заметная точка под площадью — там, где сходились две линии и не было обозначено помещения.

Над точкой кто-то стёр название. Осталась только последняя буква и вдавленный след от печати.

— Нижняя галерея не конечный узел, — сказала она. — Под ней есть архивная камера.

Терен провёл пальцем над вмятиной, не касаясь бумаги.

— Камеры развилки строили до нынешнего Устава. Хранили отданные решения до конца партии, потом уничтожали.

— Должны были уничтожать.

С площади донёсся глухой удар. Не часовой колокол — тяжёлый звук городского замка, который открывали перед восстановлением поля.

Эльс ещё не дошёл до кареты, но каменщики уже поднимали ящики.

Совет начал подготовку к запуску раньше обещанного срока.

Мира встретила взглядом с Тереном.

— Два ключа, — сказала она. — Идём за нашими проигранными решениями.

Он протянул ей футляр. Теперь открыть его можно было только вместе.

— На этот раз, Вей, не исчезай из собственной половины хода.

— На этот раз, Ло, не смей спасти меня без согласования.

Они повернулись к площади одновременно.

Под мостовой прозрачные перемишки вспыхивали одна за другой, прокладывая им дорогу к Пятой партии. Не в прошлое — в механизм, который всё это время продолжал её играть.

Глава 5. Два ключа

К архивной камере вели три лестницы, и на каждой Совет уже поставил стражу.

Красные отметки проступали на старой схеме одна за другой: западный спуск перекрыли каменщики, восточный — хранители поля, служебный ход из Гильдии — личная печать Ианты Рей.

— Они начали раньше нашего вывода, — сказала Мира.

— Значит, вывод им известен заранее.

Терен поставил футляр на парапет канала. Две защёлки ещё не были настоящим замком. Требовалось правило, которое не позволит одному из них присвоить доказательство.

— Нужен третий ключ, — сказал он. — Событие, которое мы не можем подделать.

Мира посмотрела на Орриса с бесполезным билетом.

— Владелец развилки. Когда выбор вернётся, он получает доступ к собственному следу. После заката городской аудитор получает остальное.

— Тогда Оррис увидит чужие воспоминания.

— Нет. Один предмет, два уровня доступа: ему — только его след, аудитору — факты без личных воспоминаний.

— Две двери вместо одного замка.

— Одна дверь, два направления.

Они произнесли условия порознь. Металл остался холодным.

— Несовместимы, — сказал Терен. — Замок не знает, чья причина старше.

— Ему запрещено выбирать старшую.

— Любой замок выбирает: открыть или нет.

— Пусть делает и то и другое для разных прав.

Терен начал ходить вокруг парапета, как когда-то вокруг стола в их мастерской. Мира написала на двух карточках: «Право владельца» и «Защита чужих развилки», положила их крест-накрест.

— Я отказываюсь определять путь, — сказала она.

Он понял сразу.

— Я отказываюсь определять правило.

Мира объявила: любой путь допустим, если не меняет владельца решения. Терен начертил две расходящиеся линии, обе достигали футляра и не пересекались. Их ключи встретились не совпадением, а добровольно оставленным местом для метода другого.

Крышка вспыхнула. На ней возник знак двух ключей.

— Работает, — сказал Терен.

— Мы ещё не пытались сломать.

Они атаковали конструкцию по очереди: подменяли срок, предъявляли печать Совета, объявляли билет частью общего аудита. Замок разделял права, но сохранял доказательство целым.

Последним Терен положил ладонь на крышку.

— Я признаю себя единственным виновным в создании содержимого.

Правая линия рванулась к левой, пытаясь присвоить её.

Мира ударила по защёлке карточкой.

— Признание не заменяет проверку участия.

Футляр остался закрыт.

— Вот зачем им понадобилась моя вина пять лет назад, — тихо сказал Терен. — Единственный виновный становился единственным ключом.

С площади донёсся удар городского замка. Вода в канале пошла рябью.

Все три отмеченные лестницы были ловушкой. Прозрачная нить на схеме уходила вдоль старого водосбора, под насосную.

— Архив строили до нынешнего Устава, — сказала Мира. — Тогда входы обозначали по воде.

— Северный слив. Сейчас он сух, но после подключения площади его затопит.

Они отодвинули ржавую решётку в основании резервуара. За ней открылся узкий канал, покрытый солью. По центру тянулась прозрачная нить, видимая только рядом с футляром.

Терен вошёл первым, затем отступил к стене.

— Путь мой. Решение идти — твоё.

Мира проверила нить и замок.

— Идём.

Через несколько шагов потолок обвалился. Щель пропускала футляр, но не позволяла держать обе защёлки с одной стороны.

— Передадим не предмет, а право удерживать, — решила Мира.

— Замок не знает такого действия.

— Сейчас узнает.

Она объявила: «Моя половина остаётся моей, пока её несёт другой». Терен ответил: «Моя половина несёт чужую, не присваивая». Футляр стал невесомым и прошёл сквозь камень, хотя их руки оставались по разные стороны.

На мгновение Мира ощутила его пространственное чувство: вес каждой стены, расстояние до воды, хрупкость свода. Терен резко вдохнул, увидев её правило изнутри — десяток допустимых исключений, которые она удерживала одновременно, чтобы свобода не превратилась в лазейку.

Связь исчезла.

— Ты всё ещё оставляешь запасной выход, — сказал он.

— Ты всё ещё считаешь вес стены раньше, чем человека под ней.

— Я считал обоих.

— Я знаю.

Это признание оказалось опаснее обвинения.

В конце канала ждала круглая дверь. На камне были вырезаны имена владельцев развилок, даты партий и знаки добровольной передачи. Последняя дата стояла вчерашняя.

— Архив не закрывали пять лет, — сказала Мира.

На двери находились две выемки: одна принимала правило, другая — пространственный путь. Они были старше «Двойного хода».

— Мы не придумали принцип двух ключей, — сказал Терен.

— Или кто-то с самого начала учил нас тому, что требовалось этой двери.

По каналу потекла первая вода. Совет заполнял контур раньше расчётного срока.

Мира положила ладонь в левую выемку. Терен — в правую. Дверь приняла их сразу, будто ждала именно эти две руки.

Камень разошёлся.

За ним под площадью уходили во тьму тысячи тонких ячеек. В каждой мерцал чужой несконченный выбор.

Ни одну развилку не уничтожили после окончания игры.

Глава 6. Архив проигранных решений

В архиве было тихо, но тишина не означала покоя.

Тысячи ячеек едва слышно щёлкали, словно город под площадью перебирал зубами. В каждой за тонкой слюдяной створкой мерцал чей-то несделанный выбор: зелёная искра, синяя нить, янтарный излом. Свет не повторялся. Даже одинаковое решение — уйти, остаться, промолчать — сохраняло рисунок своего владельца.

Мира остановилась на пороге.

— Не касайся пола между рядами.

Терен уже занёс ногу над первой каменной полосой. Опустил её обратно на порог.

— Что увидела?

— Ничего. Именно поэтому.

Она вынула из кармана пустую карточку и отпустила. Карточка не упала. Повернулась ребром и поплыла к ближайшей ячейке. На полпути белая бумага потемнела, будто на ней проступил текст, которого Мира не успела прочесть. Потом карточка беззвучно рассыпалась.

— Поле предлагает предмету недостающую историю, — сказал Терен. — А потом хранит её.

— Не предлагает. Выбирает за него.

Вода уже текла по каналу за дверью. До затопления оставалось меньше часа, возможно, намного меньше: Совет менял скорость подачи.

Терен приложил костяшки к стене и закрыл глаза.

— Есть сухая дорожка. Узкая. Она перестраивается между рядами каждые двадцать ударов.

— По какому правилу?

— По весу развилок.

— У решения нет веса.

— У украденного есть.

Он начертил на пороге короткую линию. Серый камень ответил тремя бледными островками. Мира объявила условие: путь существует только там, где ни одна ячейка не получает нового владельца. Островки соединились.

Они вошли вместе.

На первых створках стояли даты недавних игр: вчера, три дня назад, начало месяца. Дальше — прошлый сезон. Ещё дальше слюда покрывалась солью, а цифры уходили на десятилетия назад.

— Это не запас для одной партии, — сказала Мира.

— И не ошибка хранения.

Чтобы доказать умысел, им требовалось больше, чем ужас перед множеством. Совет мог объявить архив забытым хранилищем, которое никто не решился очищать. Мира искала устройство, Терен — путь обслуживания. Оба обнаружили в шестом ряду.

Между ячейками шёл медный желоб. От каждой створки к нему тянулась тонкая жила, а на узлах были выгравированы два знака: «принято» и «возвращено». Второй не использовали ни разу. На меди не осталось ни одного замкнутого кольца возврата.

Зато через каждые десять ячеек стояла свежая отметка проверки.

Терен провёл пальцем рядом с последней, не касаясь.

— Сегодня на рассвете.

— Архив обслуживают.

— Это ещё не доказывает, что хранители знали о согласии владельцев.

Мира сняла с пояса футляр с двумя ключами. Он потянулся к желобу, но обе защёлки удержали его.

— Тогда спросим архив не о хранителях. О правилах приёма.

Она открыла только свою линию доступа: факты без личного содержания. Терен оставил свою закрытой и придал футляру форму моста. Между крышкой и медью вспыхнули слова старого протокола.

«Добровольная передача до завершения партии».

Ниже проступила приписка другим металлом:

«Завершение партии не считается требованием возврата».

— Ловушка молчания, — сказал Терен. — Если человек не потребовал развилку обратно, её считают оставленной.

— Но ему не сообщили, что она уцелела.

Мира заставила футляр показать дату приписки. Металл сопротивлялся, расплывался, предлагал пять допустимых толкований. Она отбросила четыре, не потому что они были невозможны, а потому что каждое меняло вопрос. Наконец выступил год.

Приписку внесли за двенадцать лет до их аварии.

Терен коротко рассмеялся, без веселья.

— Дверь не ждала нас. Она ждала любую пару, обученную работать двумя методами.

— Нас учили для доступа к архиву.

— Или метод двух ключей создавали как страховку от единоличного хранителя.

— Страховку, которую ни разу не применили для возврата.

Они прошли глубже. Теперь у каждой ячейки Мира видела маленький крючок правила: развилка считалась добровольной, пока владелец не мог представить, что её следует потребовать. Архив сам поддерживал согласие, уничтожая способность его отозвать.

Терен замер у ячейки с датой Пятой партии.

Слюда была мутной. За ней теснились не один и не два следа — целая россыпь. Зрители, которым тогда вернули память, получили лишь истории о сделанном выборе. Возможность представить отвергнутое осталась здесь.

— Мы думали, что повреждение необратимо, — сказал он.

— Нас заставили так думать.

— Я подписал заключение.

— После того как Совет показал нам пустой накопитель.

— Я всё равно подписал.

Мира посмотрела на него. Пять лет назад она потребовала бы признания до последней буквы, потому что вина казалась единственным способом удержать мир от расползания. Теперь перед ними был архив, где единственный ответ на любой вопрос становился замком.

— Подпись найдём в протоколе, — сказала она. — Сейчас ищем механизм.

С дальнего конца ряда ударил колокол. Не городской — подземный. По медным жилам пробежал янтарный свет. Несколько свежих ячеек разом открылись и выпустили тонкие нити к потолку.

Одна нить была цвета старой латуни.

Билет Орриса в кармане Миры нагрелся.

— Его развилку вызывают на поле, — сказала она.

Нить уходила вверх, к площади, где готовили Игру Прилива. Если она достигнет контура, решение Орриса станет не просто украденной памятью, а командой для сотен фигур. Он окончательно забудет возможность отплыть, а скрытый ход получит нового исполнителя.

Терен бросился к жиле, но остановился, не дойдя шага.

— Если перережу канал здесь, я смогу направить его развилку в футляр.

— А остальные ячейки?

— Закроются от вмешательства. Архив сочтёт разрыв нападением и сменит схему проходов.

— Мы потеряем приписку, отметки обслуживания и связь с площадью.

— Зато Оррис получит выбор сейчас.

Мира подняла футляр. Замок мог принять только один крупный след: либо развилку Орриса, либо отпечаток устройства архива. Если они заберут доказательства, к закату ими можно будет вскрыть всю сеть. Если спасут Орриса, Совет назовёт найденное частной неисправностью и перенесёт хранилище до публичного аудита.

— Сколько до подключения? — спросила она.

Терен положил ладонь на стену.

— Тридцать ударов. Может, меньше.

— Ты можешь удержать нить, не обрывая?

— Одну. Пока стою здесь.

— Тогда я сниму слепок архива и вернусь.

— Путь перестраивается каждые двадцать ударов. Не вернёшься.

— Найду другой.

— Это не запасной выход в твоём правиле, Мира. Это надежда, переодетая условием.

Она вскинула голову.

— А твоё решение спасти одного и оставить тысячи без доказательства — не благородство. Это привычка выбирать вину, которую можешь унести сам.

Янтарная нить вздрогнула. До потолочного приёмника оставалась ладонь.

Они смотрели друг на друга через неё, как через линию на старой игровой доске.

Терен первым отвёл взгляд.

— Назови то, что мы не имеем права решить за Орриса.

Мира вынула его билет.

— Цену ожидания.

На обороте ещё сохранялась продавленная строка: место на корабле до материка. Оррис собирался уехать не когда-нибудь. Сегодня. Его судно задержали по просьбе аудиторов, но прилив не ждал городского расследования.

Если они сохранят доказательства, он может вернуть выбор позже и обнаружить, что сам момент выбора исчез.

— Спасаем развилку, — сказала Мира.

Терен не позволил ей превратить решение в приказ.

— А сеть?

— Не забираем её доказательство. Заставляем архив засвидетельствовать собственную работу.

— Перед кем?

— Перед владельцем.

Она вставила билет в правую линию футляра — туда, где доступ принадлежал Оррису. Левую защёлку, свою, оставила пустой.

— Архив не признаёт владельца, пока развилка внутри него, — сказал Терен.

— Поэтому ты дашь ей путь наружу. Но не в футляр.

— Куда?

Мира разорвала билет по строке назначения. Половину с именем положила в замок, половину с кораблём оставила у себя.

— В незавершённое решение.

Терен понял. Пространственный контур умел вести только к месту, а развилка — только к владельцу. Если разделить адрес, архиву придётся на миг удерживать оба условия открытыми. В этот миг вся система покажет, почему считает Орриса своим.

— У нас будет один удар, — сказал он.

— Достаточно для замка.

— Или для возврата. Не для обоих.

— Замок не обязан унести свидетельство. Пусть свидетельство останется на архиве.

Он посмотрел на медный желоб, затем на тысячи слюдяных створок.

— Метка, которую нельзя стереть без возврата содержимого.

— Теперь ты оставляешь место моему методу.

— Не привыкай.

Терен перехватил янтарную нить обеими руками. Она не обожгла кожу, но его лицо сразу изменилось: взгляд метнулся к двери, будто он вспомнил иной путь и тут же потерял его.

— Сейчас, — выдохнул он.

Мира объявила владельцем имя на билете и отказалась определять место возврата. Терен проложил путь к месту на второй половине и отказался определять, кто должен по нему пройти.

Архив попытался выбрать простейшее: признать владельцем самого себя.

Двухключевой замок захлопнулся на этом ответе.

Все ячейки вспыхнули.

На створках разом проступили одинаковые слова: «Владелец не уведомлён». Потом даты приёма, даты последних обращений, отметки хранителей. Архив свидетельствовал против себя не копией, которую можно объявить подделкой, а правилом, впаиванным в каждую ячейку.

Мира ударила пустой защёлкой по медному желобу.

— Доказательство остаётся до возврата последней развилки законному владельцу.

Система приняла условие, потому что иначе должна была признать отсутствие согласия.

Терен отпустил нить.

Она рванулась не к потолку, а к половине билета с именем. Футляр раскрыл для Орриса единственную ячейку. Латунный свет свернулся внутри, не смешавшись с чужими воспоминаниями.

Где-то наверху человек снова получил возможность представить корабль.

В тот же миг по архиву прошёл тяжёлый гул. Проходы начали перестраиваться. Каменные полосы исчезали одна за другой.

— Мы спасли его развилку, — сказал Терен. — Но не знаем, что он выберет.

— В этом и состояло спасение.

Из потолка выдвинулась бронзовая игла и коснулась футляра. На крышке появился знак хранителя протокола — красное кольцо, то самое, чей след они нашли в старом контуре.

Под ним проступило имя последнего человека, открывавшего архив.

Не Эльс.

Ианта Рей.

Мира успела прочесть дату: сегодня, за час до отборочной партии.

Потом вода ворвалась в камеру.

Терен толкнул футляр ей и повернулся к исчезающему проходу.

— Путь мой.

Мира защёлкнула обе линии на доказательстве, которое они не унесли, но сделали неустрашимым.

— Решение идти — общее.

За их спинами тысячи створок продолжали светиться одной фразой, и погасить её теперь можно было только вернув городу все проигранные решения.

Глава 7. Имя под чужим ходом

Вода ударила Мира в колени и сразу потянула назад, к архиву.

Терен удержался у стены. Футляр между ними стал тяжёлым: две защёлки хранили не копию, а право Орриса на возвращённую развилку, и поток словно пытался доказать, что любое право можно перевесить массой воды.

— Дверь закрывается, — сказал он.

Круглые створки сходились. За ними тысячи ячеек светились фразой «Владелец не уведомлён». Бронзовая игла с именем Ианты уже ушла в потолок, но отпечаток последнего доступа остался на внутренней стороне футляра.

Мира зажала его под мышкой и шагнула к порогу. Камня под ногой не оказалось.

Терен поймал её за запястье.

— Путь перестроился.

— Тогда строй новый.

— Архив считает всю камеру одной закрывающейся ячейкой. Для него мы теперь содержимое.

Вода поднялась до пояса. За дверью канал уже исчез; там бил мутный поток из городского водосбора.

Мира прислонила ладонь к створке. Архивное правило узнавало в ней развилку: она могла остаться и сохранить доказательства изнутри либо уйти и потерять доступ. Значит, система требовала добровольного отказа от одного варианта.

— Не выбирай выход, — сказала она.

— Это редкая просьба от тебя.

— Выбери место, которое ещё не стало выходом.

Терен оглянулся на потолок. В центре свода оставалось отверстие бронзовой иглы, шириной с палец.

— Слишком узко.

— Для нас. Не для пути.

Он упёрся обеими ладонями в стену. Камень под его пальцами дрогнул, но архив немедленно стянул отверстие: всякое движение наружу признавалось выбором покинуть ячейку.

Мира открыла пустую линию футляра.

— Архив, — произнесла она, — владелец не уведомлён о доступном выходе.

По круглой двери прошла белая надпись. Створки замерли, не решаясь завершить действие без уведомления.

— Теперь, — сказала Мира.

Терен не расширил отверстие. Он передвинул саму камеру относительно него — на толщину камня, на ширину плеч, на один отчаянный вдох. Мир перевернулся без движения. Вода стала стеной, потолок — полом, а бронзовая шахта раскрылась рядом.

Они провалились в неё одновременно.

Футляр прошёл первым. Мира ударилась плечом, Терен — спиной, и поток вытолкнул их наверх, в тесную служебную трубу. Позади архив захлопнулся. Последний луч прорезал воду и погас.

Терен лежал, прижавшись щекой к мокрому камню.

— Ты уведомила тюрьму о нашем побеге.

— Я уведомила её о собственном нарушении.

— Это звучит ещё хуже.

— Но сработало.

Он рассмеялся — на этот раз живо, хотя каждый вдох причинял ему боль. Мира хотела спросить, целы ли рёбра, но услышала сверху голоса.

— Аудиторы должны выйти через нижнюю галерею, — сказал кто-то. — Совет ждёт их у реестра.

— Если не выйдут?

— Запуск всё равно состоится.

Мира приложила палец к губам. Терен кивнул и показал вверх: решётка, двое хранителей, за ними лестница в Гильдию. Отступать было некуда — труба заполнялась.

Он беззвучно начертил на её ладони два пути. Первый вёл прямо через решётку. Второй — в боковой отвод, слишком узкий для человека.

Мира добавила правило: служебный канал обязан доставить всякое извлечённое содержимое к месту проверки.

Терен указал на них и вопросительно поднял бровь.

Она кивнула. Да, на ближайшую минуту им предстояло стать содержимым.

Когда вода дошла до решётки, канал сам поднял засов. Поток выбросил обоих под ноги хранителям вместе с водорослями, щепками и старой медной биркой.

— Проверка доставки, — сказала Мира, прежде чем первый страж опомнился. — Вы перекрыли приёмный жёлоб.

— Какой ещё...

Терен уже поставил футляр на стол учёта. Замок вспыхнул знаком двух аудиторов. Хранители отшатнулись: прикосновение к опечатанному доказательству без приказа означало личную ответственность.

— Ведите нас к Совету, — велел он. — Или письменно откажитесь принять результат аудита.

Никто не захотел ставить подпись.

Их провели через Гильдию в мокрой одежде, без возможности остановиться и обменяться догадками. Коридоры гудели: служащие бежали к площади, переписчики снимали со стен старые схемы, мастера несли фигуры для досрочного запуска. Казалось, здание избавлялось от собственной памяти перед обыском.

У дверей Большого зала их встретил Эльс. Красного кольца на его пальце не было, но бледная полоса сохранилась.

— Вы вошли в закрытый архив без разрешения.

— Архив открылся нашими полномочиями, — ответила Мира.

— Ваши полномочия касаются саботажа отборочной партии.

— Последний доступ к архиву был за час до неё. Так что теперь касается.

Эльс посмотрел на футляр. На один короткий миг его лицо потеряло канцелярскую неподвижность.

— Что вы вынесли?

— Чужой выбор, возвращённый владельцу.

— Значит, доказательств нет.

— Вы очень быстро это решили.

Двери Большого зала распахнулись прежде, чем он ответил.

Внутри ждали не члены Совета, а зрители.

Балконы были заполнены участниками отборочной партии, журналистами листков, архитекторами мастерских и теми, кого не выпустили с площади после скрытого хода. На дальней стене сиял публичный реестр нарушений. Ианта Рей стояла под ним одна, в сухом серебристом плаще.

Она превратила их возвращение в представление.

— Аудиторы живы, — объявила Ианта. — Значит, мы можем наконец отделить нынешнюю угрозу от старых слухов.

По залу прошёл облегчённый шум.

Мира увидела ловушку раньше, чем прочла запись. Публике предложили два решения: поверить Совету или поверить людям, которые тайно проникли в архив и едва не затопили городские контуры. Сам вопрос о третьем участнике исчез.

На реестре выступили строки:

«Пятая партия. Причина аварии: несанкционированное изменение пространственного выхода. Ответственный архитектор: Терен Ло. Решение принято единолично. Соавтор правил Мира Вей уведомлена после остановки».

Под записью стояла подпись Терена.

Зал затих.

— Пять лет этот протокол был закрыт ради защиты пострадавших, — сказала Ианта. — Сегодня господин Ло вернулся к городским контурам, и скрытый ход повторился. Совет обязан открыть факты.

Терен смотрел не на неё, а на собственное имя.

— Подпись настоящая, — сказал он.

Этого хватило. Шум обрушился с балконов. Кто-то потребовал ареста, кто-то — отстранения от Игры Прилива. Ианта не приказывала страже двигаться. Ей было выгодно позволить публике самой потребовать единственный ход.

Мира подошла к реестру.

— Покажите полный протокол.

— Он перед вами, — ответил Эльс.

— Передо мной вывод. Я прошу последовательность команд.

— Личные развилки пострадавших защищены.

— Мне не нужны развилки. Мне нужны распоряжения архитекторов.

Ианта мягко сказала:

— Мира, никто не обвиняет вас в доверии к бывшему партнёру. Но защищать его сейчас — значит поставить под сомнение память сотен людей.

— Я ставлю под сомнение ваш документ.

Терен повернулся к ней.

— Не надо.

Тихие слова пробились сквозь гул точнее крика.

— Что именно? — спросила Мира.

— Делать меня причиной, по которой ты снова отдашь им своё имя.

— Моё имя уже стоит в протоколе. В роли уведомлённой.

— Это лучше другой роли.

— Ты опять решаешь за меня, какая правда мне полезнее.

Он отступил. Удар достиг цели, потому что был заслужен.

Мира положила ладонь на реестр. Публичная запись не позволяла изменить текст, но обязана была показать происхождение каждой строки. Она запросила команду, после которой открылся повреждённый выход.

Реестр выдал имя Терена.

— Теперь запросите форму команды, — сказала она Эльсу.

— Это ничего не изменит.

— Тогда вам нечего терять.

На балконах зашептались. Ианта едва заметно кивнула хранителю. Тот приложил печать.

Над именем Терена возникла схема пространственного движения: правая галерея, аварийный мост, незавершённый выход к морской стене.

— Мой путь, — сказал Терен. — Но не моё решение открыть его.

— Пространственный архитектор отвечает за открытие, — возразил Эльс.

— Отвечает за возможность. Правило допуска создаёт архитектор правил.

Мира запросила связанное правило.

Реестр мигнул.

Показал пустую строку.

В зале стало так тихо, что слышно было, как вода капает с рукава Миры на мрамор.

Пять лет назад она стояла у расколотой доски и видела людей, которые не могли выбраться из западного сектора. Основной выход уже считал их добровольцами до конца партии. Тогда Мира приказала открыть незавершённый путь, хотя не успела проверить, выдержит ли он чужие развилки. Терен исполнил приказ. Поток решений ударил по зрителям. Они оба допустили аварию — а Совет продолжил испытание после сигнала остановки.

Теперь её команды не существовало.

— Пустая строка не доказывает вашего участия, — сказала Ианта.

— Она доказывает удаление правила.

— Или его отсутствие.

— Путь не мог открыться без допуска.

— Господин Ло известен умением обходить чужие правила.

Терен усмехнулся.

— Наконец-то похвала в моём реестре.

Несколько человек на балконе нервно рассмеялись. Баланс сдвинулся на волос.

Мира открыла футляр со стороны фактов. Личного содержания Орриса там уже не было: развилка ушла к владельцу. Но на внутренней крышке сохранялся вопрос архива, который тот задал сам себе: кто имеет право считать молчание согласием?

— Сегодня мы нашли тысячи развилок, сохранённых без уведомления владельцев, — сказала она. — Архив помечен так, что удалить свидетельство можно только возвратом каждой. Последний доступ был за час до саботажа.

Ианта не изменилась в лице.

— Имя хранителя?

Мира посмотрела прямо на неё.

— Оно есть на следе.

— Назовите.

Это был вызов. Если Мира объявит имя без извлечённой копии, Ианта потребует немедленной проверки футляра. Отпечаток мог быть стёрт при вскрытии единоличным ключом или объявлен остатком старого доступа. Если Мира промолчит, публика решит, что доказательства нет.

Терен не подсказал ей. Впервые за пять лет оставил решение целиком её.

— Нет, — сказала Мира. — Не в реестре, из которого исчезают приказы. Имя будет открыто независимым аудиторам вместе со способом проверки. До тех пор я утверждаю только факт: нынешняя партия связана с действующим архивом.

— Удобная осторожность, — заметила Ианта.

— Проверяемая осторожность.

Мира повернулась к зрителям.

— И ещё один факт. В старой аварии был пространственный путь Терена. Связанное с ним правило удалено. Я помню это правило, потому что отдала его сама.

Терен закрыл глаза.

На реестре его имя всё ещё сияло единственным ответом.

Мира могла снять с него часть вины одним признанием, но тогда её память противопоставили бы официальной записи. Этого было мало. Она достала половину билета Оорриса с названием корабля.

— Владелец сегодняшней развилки получил её обратно. Он может подтвердить, что до возврата не представлял этого отъезда. А архив подтвердит системность. Не верьте ни мне, ни Совету на слово. Проверьте человека, механизм и вырезанную строку.

На балконе поднялся Тал Бран — победитель остановленной партии.

— Если протокол неполон, запуск Игры Прилива нельзя продолжать.

Другие архитекторы поддержали его не сразу. Потом один, второй, третий. Ианта подняла руку, и зал снова стих.

— Запуск отложен до вечернего заседания, — сказала она. — Господин Ло остаётся отстранённым от городских контуров. Мира Вей может завершить аудит одна.

Предложение было точным, почти милосердным. Оно возвращало Мире имя, полномочия и шанс на Игру Прилива — если она согласится, что под чужим ходом должно остаться только одно имя.

Терен ждал её ответа спокойно. Не просил. Не спасал.

— Наши полномочия подписаны двумя аудиторами, — сказала Мира. — Либо Совет отменяет аудит целиком, либо получает вывод с двумя именами.

Ианта впервые посмотрела на неё без улыбки.

На публичном реестре пустая строка под приказом об открытии начала медленно краснеть, будто удалённое правило всё ещё пыталось вернуться.

Глава 8. Рынок запасных правил

К вечеру Кассар должен был решить, достаточно ли двух имён, чтобы остановить одну игру.

До вечера оставалось четыре часа.

Мира и Терен вышли из Дома партий через служебную дверь. Парадные ступени уже заняли спорящие архитекторы, владельцы лавок и люди, которым утром вернули способность представить несделанный выбор. Стража пропустила Миру и сомкнула дверки перед Тереном.

— Господин Ло отстранён от городских контуров, — напомнил старший.

— Я иду по мостовой, — сказал Терен. — Если Совет считает её контуром, пусть сначала обвинит весь Кассар в участии.

Страж не улыбнулся. Мира предъявила двухключевые полномочия. На печати оба имени сохранялись, хотя город признавал только одно право действовать. После короткого колебания дверки разошлись.

— Полезный документ, — сказал Терен, когда они свернули в Рыбный переулок.

— Поэтому ты предлагал оставить его мне одной?

— Я предлагал не отдавать его Совету вместе с твоим именем.

— Это разные формулировки одного и того же решения за меня.

Он принял удар без ответа.

Дождь смыл с одежды архивную соль, но не запах затопленной бумаги. Мира шла быстро. На углах уже вывешивали чёрные доски вечернего заседания: время, состав Совета, право горожан подать свидетельство. Ни слова о том, что свидетельство могло состоять из украденной способности представить другую жизнь.

Орриса они нашли у пристани. Он сидел на своём сундуке перед закрытой конторой перевозчика и держал в руках две половины билета. Корабль на материк ушёл без него час назад.

— Вы вспомнили отъезд, — сказала Мира.

— Вспомнил, — ответил он. — И решил не плыть.

Терен посмотрел на пустой причал.

— Почему?

— Потому что теперь это снова мой плохой выбор.

Оррис соединил половины билета. Линия разрыва прошла через название корабля.

— До возврата я не мог представить, зачем купил его. После возврата смог. А ещё вспомнил человека, которому продал запасной ход.

Мира остановилась.

— Вы говорили, что ничего не продавали.

— Я говорил правду, которую мне оставили. Покупатель забрал не только развилку. Он забрал память о сделке.

— Лицо?

— Не помню. Это было условием. Но помню дорогу, потому что шёл туда не ради него.

Оррис кивнул на билет.

— Хотел узнать, можно ли продать сожаление о корабле и всё-таки уехать. Думал, получу деньги дважды: за лавку и за жизнь, которой не выбрал.

— Где? — спросил Терен.

Оррис посмотрел на Миру, словно вопрос принадлежал ей.

— Под рынком соли. Там торгуют правилами, которые официально отменили, но не уничтожили. Если пойдёте, не называйте настоящее желание. Они назначают цену не по товару, а по тому, от чего вы не сможете отказаться.

Он протянул Мире склеенный билет.

— Возьмите. На входе спрашивают доказательство, что вы уже теряли дорогу.

— Это ваше доказательство.

— Моё доказательство сидит на сундуке и злится, что опоздало на корабль. Билет пусть поработает.

Мира приняла его только после того, как Оррис вслух разрешил использовать обе половины для входа и потребовал вернуть их до заката. Футляр отозвался тонкой светлой нитью: согласие было новым, предметным и отзывным.

— Вы всё записываете? — спросил Оррис.

— Теперь — да.

— Тогда запишите ещё: я не благодарен за возвращённую развилку. Я просто снова отвечаю за неё сам.

Мира внесла фразу в журнал без исправлений.

Рынок соли заканчивался там, где начиналась старая приливная стена. Днём под навесами продавали рыбу, верёвки и белые кирпичи для домашних очагов. После полуденного колокола торговцы ушли, но запах рассола остался. Терен провёл Миру между пустыми прилавками к каменному желобу. Вода текла в нём против уклона.

— Городской контур, — сказала Мира.

— Нет. Привычка города. Контур требует автора.

— А привычка?

— Достаточно большого числа людей, которые не замечают, что повторяют одно и то же.

Он опустил в желоб медную монету. Монета поплыла вверх и исчезла под плитой.

— Ты знал об этом месте.

— Знал, что сюда приносят отменённые пространственные схемы. Не знал, что здесь продают развилки.

— Почему не закрыл рынок?

— Пять лет назад я был занят тем, что позволял Совету закрыть меня.

Плита приподнялась ровно настолько, чтобы пропустить ладонь. Мира вложила билет Орриса. Вода перестала течь. Камни под навесом разошлись, открывая лестницу без перил.

Терен первым поставил ногу на верхнюю ступень и замер.

— Что?

— Я отстранён от контуров. Если лестница считается частью рынка, она может отвергнуть меня.

— Тогда пойду первой.

— Это не поможет, если она обрушится под вторым.

Мира вынула из футляра тонкий шнур двухключевого замка и обвязала их запястья. Не страховка — шнур порвался бы под весом человека. Только правило: если один теряет опору, второй чувствует направление падения.

— Не удерживай меня, — сказала она. — Покажи, куда ставить ногу.

— Разумная степень доверия.

— Не привыкай.

Лестница приняла их обоих.

Под рынком не было ни соли, ни воды. В длинном кирпичном зале стояли столы, и над каждым висела прозрачная доска с одним отменённым правилом. «Гость не обязан называть хозяина». «Проигравший сохраняет право на последний вопрос». «Выход открывается тому, кто изменил решение». Слова дрожали, как насекомые в янтаре.

Покупатели ходили молча. Кто-то примерял к ладони запрет на боль. Кто-то слушал детский голос, повторявший несказанный ответ. У дальней стены женщина в траурной вуали торговалась за возможность не узнать письмо.

Мира почувствовала, как её собственные неиспользованные решения отзываются на витрины. Можно было не приходить на Пятую партию. Можно было не открывать незавершённый выход. Можно было пять лет назад потребовать полного протокола, а не принять вину Терена за окончательный ответ.

Она остановилась.

Шнур на запястье натянулся. Терен не потянул её вперёд — только обозначил, где стоит сам.

— Рынок ищет цену, — сказал он.

— Я заметила.

— Назови настоящее желание мне. Тогда оно перестанет быть тайной, которой рынок торгуется в одиночку.

Мира посмотрела на него.

— Я хочу доказать, что приказ отдала я.

Терен побледнел, но кивнул.

— Теперь моя очередь. Я хочу, чтобы ты этого не доказывала.

— Потому что боишься за меня?

— Потому что пять лет строил жизнь вокруг мысли, что одна полезная ложь лучше двух разрушенных имён. Если ты докажешь обратное, мне придётся признать: я спасал не тебя, а собственное право решать, что считать спасением.

Рынок вокруг них на мгновение потускнел. Произнесённое желание перестало быть удобной скрытой ценой.

К ним подошёл мальчик лет двенадцати в слишком широком сером кафтане. Его лицо не удерживалось в памяти: стоило отвести взгляд, и черты распались на обычные — тёмные глаза, прямой нос, короткие волосы.

— Имена на входе не нужны, — сказал он. — Но ваши уже шумят во всём городе. Что покупаете?

— Источник удалённого правила Пятой партии, — ответила Мира. — Не содержание чужой развилки. След перемещения, имена хранителей и способ независимой проверки.

— Вы перечисляете четыре товара и называете их одним.

— Потому что без способа проверки остальные три — слух.

Мальчик улыбнулся.

— Аудиторы всегда хотят купить доверие по цене бумаги.

Он повёл их вдоль столов. Терен отмечал выходы взглядом, но не касался стен. У каждого прохода висела белая костяшка с вырезанным именем архитектора, чьё правило здесь продавали. Большинство имён Мира знала. Некоторые владельцы сидели сейчас в Доме партий и рассуждали о чистоте протокола.

— Откуда товары? — спросила она.

— Из мест, где уничтожение слишком дорого, а возврат слишком честен.

— Архив под площадью.

Мальчик снова улыбнулся, не подтвердив.

Он остановился у пустого стола. Над ним не было доски, только серебряная нить, уходящая в стену.

— Приказ об открытии западного выхода, — сказал торговец. — Голос архитектора правил. Обстоятельства. Точная форма допуска. И отпечаток того, кто вырезал строку из реестра.

У Мира перехватило дыхание.

Терен не двинулся. Шнур передал ей короткую дрожь его пальцев.

— Покажите оболочку, — потребовала она.

Мальчик достал стеклянную пластинку. По краю бежала дата Пятой партии. Внутри вспыхнул незавершённый выход, и женский голос произнёс первый слог команды.

Мира узнала собственную интонацию.

Пластинка погасла прежде, чем прозвучало слово.

— Цена? — спросил Терен.

— Не ваша.

Торговец повернулся к Мире.

— У вас есть одна память, которая делает улику доказательством. Вы помните, что приняли решение добровольно. Отдайте эту уверенность — и получите запись целиком.

— Я забуду сам приказ?

— Нет. Будете помнить слова, площадь, господина Ло у выхода. Но уже не сможете решить, приказали вы сами или вас вынудили. Совет получит проверяемую запись. Вы получите невинность, если она вам понадобится.

Предложение было устроено безупречно. Оно возвращало протоколу удалённую строку и одновременно лишало Миру возможности отвечать за неё. Публика увидела бы приказ, отпечаток хранителя, точное время. Терен перестал бы быть единственным виновником. Ианта потеряла бы право отрицать удаление.

Только владелица памяти стала бы ещё одним человеком, неспособным представить собственное участие.

— Чья развилка питает запись? — спросила Мира.

Мальчик пожал плечами.

— Свидетеля.

— Имя.

— Имя не входит в товар.

— Согласие владельца на продажу?

— Владелец отказался от воспоминания.

— От воспоминания или от права знать, кто им воспользуется?

— На этом рынке разница повышает цену, но не меняет сделку.

Мира коснулась края пластинки. Стекло было тёплым, почти живым. Первый слог её голоса повторился без звука — движение губ, приказ, после которого Терен открыл путь.

— Мы можем забрать её, — тихо сказал он.

Она резко повернулась.

— Ты предлагаешь купить чужую память?

— Я предлагаю не притворяться, будто Совет оставил нам чистые способы. Мы возьмём запись, установим владельца по оболочке и вернём ему развилку после копирования следа.

— Копия останется созданной кражей.

— Архив уже украл её. Наш отказ не вернёт владельцу ничего.

— Зато сделает кражу невыгодной.

— Один отказ не закроет рынок.

— Одна покупка точно его не закроет.

Терен посмотрел на пластинку. В его лице не было жадности к оправданию — только усталость человека, перед которым поставили дверь и объяснили, что честный ключ лежит по другую сторону стены.

— На вечернем заседании нас разделят, — сказал он. — Тебе оставят полномочия, мне — имя в реестре. Ианта запустит Игру Прилива, как только толпа устанет ждать доказательств.

— Знаю.

— Тогда скажи, что у нас есть вместо этого.

Мира заставила себя убрать руку от стекла.

— Пустая строка. Пространственный путь. Моя память о правиле. Твой ответ на команду. Архивный след Ианты. Возвращённая развилка Орриса. И рынок, который знает форму удалённого приказа.

— Последнее мы не докажем, не раскрыв рынок.

Мальчик учтиво заметил:

— А рынок не раскроется аудитору, который уходит без покупки.

Мира посмотрела на серебряную нить. Она шла не к стеклянной пластинке, а сквозь неё, дальше — в кирпичную стену. Товар был не источником. Он был окном, которое на время соединяли с чужой памятью.

— Запись нельзя унести, — сказала она.

Улыбка мальчика исчезла.

— Можно.

— Нет. Можно унести доступ. Если бы память хранилась в пластинке, вы назвали бы владельца бывшим. Но вы говорите о нём в настоящем времени.

Терен проследил нить взглядом.

— И рынок должен поддерживать соединение. Пространством, которое не считается городским контуром.

— Привычкой города, — поняла Мира. — Люди годами ходят над этим залом по одним дорожкам. Повторение держит пути без зарегистрированного автора.

Мальчик отступил на полшага.

— Наблюдение не является оплатой.

— А нам не нужен товар, — сказала Мира. — Нам нужен способ воспроизвести событие без него.

Терен поднял бровь.

Она продолжила, уже для него:

— Пустая строка доказывает отсутствие правила, но не его форму. Твой путь доказывает возможность выхода, но не приказ. Если мы воспроизведём саботаж на мёртвой схеме — без поля, развилок и городской магии, — останутся только последовательность команд и число участников. Ложное имя не сможет спрятаться за откликом памяти.

— Партия вслепую.

— Не партия. Разбор.

— Любой хороший разбор становится партией, когда двое хотят разных выводов.

Мальчик взял пластинку со стола.

— Предложение действует до вечернего колокола.

— Для нас — нет, — сказала Мира.

— Вы отказываетесь от единственного полного доказательства.

— Отказываюсь от доказательства, право на которое не могу проверить.

— Совет назовёт это гордостью.

— Пусть внесёт в протокол вместе с именем владельца памяти.

Торговец спрятал пластинку в рукав. Серебряная нить осталась висеть. На миг она натянулась, и из стены донёсся чужой вздох. Не товар. Человек.

Мира шагнула к нити, но проходы вокруг них начали закрываться. Над столами вспыхнули отменённые правила. «Гость не обязан называть хозяина» погасло первым. Покупатели одновременно повернули головы.

— Нас лишили гостевого права, — сказал Терен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.